

К 1325942

Вологжане-гвардейцы-зенитчики

286 ГВАРДЕЙСКОГО ЗЕНАП

*60-летию
Победы в ВОВ
посвящается*

Валерий Лукичев

ВОЛОГЖАНЕ-ГВАРДЕЙЦЫ-ЗЕНИТЧИКИ

286 ГВАРДЕЙСКОГО ЗЕНАП

Вологда, 2002 г.

ОТ АВТОРА:

Решение составить сборник воспоминаний ветеранов 286 гв. Зенап автору пришло после встречи в Москве ветеранов 3-ей гвардейской танковой армии, к тому же Ф. Л. Левенталем уже были составлены альбомы ветеранов полка, было собрано двадцать воспоминаний, составлен сборник. Сборник автором был размножен и выслан ветеранам. В 1999 году автор выбрал из сборника воспоминания вологжан и решил опубликовать их отдельной книгой.

«Дорогой Валерий Федорович.

Думаю, что если сборник будет таким, каким Вы его описали, то это будет как раз то, что нужно не только нам, солдатам Великой Отечественной, но и всем тем, кто понимает значение нашей Победы и тем, кто этого не понимает.

Вы пишете, что качество сборника будет низким. Так говорить не следует, т. к. в этих статьях изложены (и довольно ярко) чувства и переживания непосредственных участников боев, а боевые действия описаны так, как они виделись глазами солдат, сержантов.

Думаю, что Вы несправедливо умаляете свои литературные, организаторские и другие достоинства, требующие настойчивости, усидчивости и кропотливого труда.

На фотографиях, присланных Вами, узнал Ю. В. Гусарова и И. Н. Попова. Они на фотографиях такие, какими я их помню. К. С. Бабенко не узнал. Догадался, что это он, по генеральскому мундиру. На групповой фотографии не узнал никого...

Теперь о том, кого я помню из 286 гв. зенап. Из солдат и сержантов помню Ю. В. Гусарова и И. Н. Попова. С ними чаще, чем с кем-либо другим, мне приходилось общаться. Считаю их своими помощниками, помогавшими мне командовать полком, особенно когда полк был кадрированным. С Ю. В. Гусаровым решались все хозяйственные вопросы, т. к. он был старшиною дивизиона (полк тогда назывался кадрированным дивизионом), с И. Н. Поповым - все штабные, т. к. он был в то время старшим писарем штаба полка. Высоко ценю их добросовестный труд и благодарен за помощь в командовании полком. К сожалению, из солдат и сержантов больше никого не помню.

Желаю Вам успешного завершения очень нужной и хорошо задуманной работы.

Самые добрые мои пожелания Вашей семье.

Обнимаю Вас.

А. Жигулин.

2 декабря 1990 года.»

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛКА

Наш зенитно-артиллерийский полк под номером 1703-й (286 гвардейский) формировался в апреле-июне 1943 года в пос. Сетунь под Москвой за счет сил и средств I-го корпуса Московского фронта ПВО, в составе 4-х батарей (по 4 орудия 37-мм пушек, зенитно-пулеметной роты (16 пулеметов ДШК).

К такому заключению я пришел, когда прочитал книгу генерала Д. А. Журавлева «Огненный щит Москвы», где Даниил Арсентьевич (ныне покойный) пишет:

«Уже в первые дни войны, когда мы были поглощены работой по развертыванию системы ПВО, пришла директива о необходимости параллельного формирования противотанковых дивизионов и зенитных артиллерийских полков для противовоздушной обороны войск на фронтах.

Мы понимали, как это необходимо: нашей пехоте не давала покоя вражеская авиация, господствовавшая тогда в воздухе. Нужны были средства ПВО, и мы им отдавали свою боевую технику.

Корпус ПВО выделял из своего состава для вновь сформированных частей кадровых военнослужащих, а взамен принимал новичков».

И далее: «По Воронежем хорошо сражался сформированный у нас 1693-й зенитный артиллерийский полк». (Д. А. Журавлев. «Огневой щит Москвы». М., Воениздат, 1988 г., стр. 33 и 223.)

Однополчане Ф. Л. Левенталь и М. М. Коваль также утверждают, что полк был сформирован в п. Сетунь.

Командиром полка был назначен майор М. В. Васильев, заместителем по политической части капитан А. И. Иванов, начальником штаба старший лейтенант Мильнер. Командирами батарей получили назначение: 1-й – сведений нет, 2-ой – ст. лейтенант Мельников, 3-й мл. лейтенант К. С. Бабенко, 4-й – лейтенант В. Н. Костров, зенитно-пулеметной роты – ст. л-нт Перевозчиков. Формирование полка закончено под номером 1703.

В мае 1943 года полк погружается в ж/д эшелон и покидает Москву. Выгрузившись на станции Тёплое Тульской области, доехав на своем автотранспорте до лесного массива севернее дер. Кобылинка, полк поступил в распоряжение командования 12-го танкового корпуса, 3-й гвардейской танковой армии: туда, кроме танковых бригад вошли 1703 зенитно-артиллерийский полк, 1417 самоходно-артиллерийский, 1498-й истребительно-противотанковый артиллерийский полки.

Отныне боевой задачей полка являлось прикрытие с воздуха танкистов и другие части корпуса. С этого часа корпус и полк стали как бы иголка и

¹ Н. Г. Нерсесян. Киево-Берлинский. М.: Воениздат, 1974, стр. 38.

ниточка. Куда иголка, туда и ниточка. Куда танкисты, туда и зенитчики. Если все хорошо – обоим хорошо, а если трудно – трудно обоим, всем.

А пока началась лагерная жизнь в шалаших и землянках, боевая подготовка и сплочивание личного состава.

Полк в Сетуни был укомплектован личным составом на 70 – 80 % из различных родов войск. Требовалась усиленная подготовка. Командование корпуса доукомплектовывает полк своими ветеранами, участниками прошедших Ростошанской и Харьковской операций 1942 – 1943 гг.

В сколачивании личного состава, боевой учебе идет не все гладко. За недостаточную требовательность к подчиненным отстраняется от должности командира полка майор Васильев.

Вместо него на эту должность назначается опытный боевой офицер – гвардии майор Н. Ф. Макаренко. Качество подготовки личного состава улучшилось.

11 июля личный состав полка проверяется на тактических учениях в составе мотострелковой бригады и получает хорошую оценку командования корпуса.

Расчеты батарей, ЗПР сколочены. Полк признан готовым к выполнению боевых задач.

14 июля в 7 часов утра полк получил приказ командира корпуса совершил марш и занять огневые позиции в р-не южнее Плавска и быть готовым к отражению воздушных атак противника с целью прикрытия частей и соединений корпуса на Брянском фронте².

18 июля полк получил приказ выдвинутся в р-н Арсеньево, Сычей и выполнять ту же боевую задачу в составе наступающих частей корпуса на Золотарево³.

В дальнейшем полк выполнял эту же задачу в составе уже Воронежского фронта в районе городов Кромы, Мценск, села Сосново, ведя интенсивный огонь по самолетам и наземным частям врага.

Первый боевой счет открыла третья батарея л-та К. С. Бабенко. За период боев в составе этих фронтов полк сбил 14 самолетов, уничтожил десятки бронетранспортеров, автомашин, сотни солдат и офицеров врага, что было отражено в сводках штаба 12-го танкового корпуса⁴.

За боевые успехи, достигнутые в боях на Брянском и Воронежском фронтах (в ходе Курской битвы) Приказом Народного Комиссара обороны от 26 июля 1943 года полк был удостоен звания – гвардейский с присвоением ему номера 286-й.

² Н. Г. Нерсесян. Киевско-Берлинский. М.: Воениздат, 1974, стр. 40.

³ Н. Г. Нерсесян. Киевско-Берлинский. М.: Воениздат, 1974, стр. 41.

⁴ Н. Г. Нерсесян. Киевско-Берлинский. М.: Воениздат, 1974, стр. 41

За период боев с 18 июля по 19 августа 1943 года полк понес значительные потери и был выведен на доукомплектование в р-н Курска (12 – 14 км южнее города).

За этот период произошло изменение в составе командования полка. Командиром полка был назначен гв. майор Федюкин Федор Вячеславович.

Командование батареями осталось старым. Передышка была небольшой. 8 сентября 1943 г. прозвучал сигнал тревоги. Теперь путь полка лежал к Днепру. Полк был включен в передовой отряд 6-го гв. ТК-корпуса.

Одним из первых берегов Днепра достигли вторая и третья батареи комбатов Мельникова и Бабенко. Случилось так, что батареи обогнали танкистов и пришли к реке, когда там наших войск еще не было. Это стало возможным в силу того, что батареи, а затем и полк, продвигались по району, занятому партизанским отрядом им. В. И. Чапаева, где противника не было.

А слева, в районе Канева, он еще противодействовал нашим войскам и держал плацдарм.

Началась битва за Днепр. Полк имел основную задачу прикрывать переправу и войска, уже не только 6-го ТК, но и пехоту 4-й и 27-й армий.

Трудная это была задача. Самолеты противника целыми днями бороздили небо. Передышки были в редкие дни, когда тучи плотно закрывали горизонт. Полк нес потери. Был убит комбат-2 Мельников. Вместо него был назначен гв. л-нт Б. Чернов. Командира ЗПР Перевозчикова забрали на работу в штаб полка. Его заменил И. М. Коваль.

На правом берегу Днепра был захвачен плацдарм (Букринский), где полк вел бои до 25 октября 1943 года. Не просто были бои, а тяжелые бои.

Бомбеки сменялись артиллерийским и минометным обстрелами: нередко полк вел бои и с наземным врагом. Особенно часто это приходилось делать зенитно-пулеметной роте, как наиболее подвижному подразделению полка.

Было тяжело всем: и связистам, и транспортникам, и работникам тыла.

В ночь на 25 октября полк снялся со своих огневых позиций и двинулся к переправе.

Начался исторический марш 3-й гв. Т.А. с Букринского на Лютежский плацдарм.

Двигались только ночью. Машины шли с потушеными фарами. Прошли дожди, дороги раскисли. Темп движения уменьшился. И всем стоило неимоверных усилий, чтобы, форсировав Десну и Днепр, занять позиции в назначеннем командованием корпуса районе.

В ночь на 2 ноября полк прибыл на Лютежский плацдарм и занял позиции у переправы через Днепр в р-не Сваромье. В следующую ночь полк был переброшен ближе к мотопехоте, т. е. вперед танкистов.

Так требовала обстановка.

Фронт готовился к проведению операции по освобождению столицы УССР гор. Киева.

Полк получил боевую задачу войти за корпусом в прорыв, который должны выполнить войска 38-й армии, и прикрывать его от ударов авиации на маршруте Святошино, Борщаговка, Зaborье, Фастов.

Части корпуса, а значит, и полка, с честью выполнили боевую задачу – 6 ноября 1943 года был освобожден Киев, а 7-го – Фастов. Здесь полк получил приказ выдвинуться в боевые порядки пехоты и быть готовым к отражению танков противника.

Противник усилил нажим на наши части, стараясь взять реванш и вернуть себе Киев.

С 10 по 13 ноября противник контратаковал наши войска крупными силами танков и пехоты, но был остановлен. В этот успех внес свой вклад и 286 гвардейский Зенап.

Здесь 10 ноября совершил свой подвиг комсорг полка гв. старшина Слабинюк Петр Афанасьевич. Мужественный воин выдвинулся на НП, расположенный в 5- метрах от врага, корректировал огонь нашей артиллерии, а в критическую минуту вызвал огонь реактивной артиллерии на себя. На этом участке было уничтожено 19 вражеских танков.

За проявленный героизм Петру Афанасьевичу присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Враг нес огромные потери, однако от своего замысла не отказался, перейдя в атаки в р-не Корнина и Брусицова.

Корпус, а значит – и полк, в ночь на 14 ноября были переброшены на этот участок фронта.

А уже утром танкисты и мотострелки отражали атаку 20 танков, сопровождаемых пехотой и артиллерией. Гвардейцы были в полной боевой готовности. Фашисты наткнулись на организованный огонь противотанковых опорных пунктов, в состав которых входили и зенитчики. Натиск врага усиливался. Бои западнее Кисева и южнее Фастова становились все напряженнее. 18 ноября врагу удалось вновь захватить Житомир, затем Радомышль, Коростышев, Брусилов.

51-я и 52-я гвардейские танковые бригады, которые прикрывал с воздуха 286 Зенап, вели ожесточенные бои в р-не Высокое и Осовцы, где противник применил шестистрельные минометы.

Сдерживая натиск и истребляя его живую силу и технику, воины корпуса дали возможность соединениям 17-го гвардейского стрелкового корпуса ликвидировать угрозу окружения⁵.

⁵ Нерсесян Н. Г. Киевско-Берлинский. Воениздат, М.: 1974, стр. 94 – 95.

Однако 3-я батарея полка 21 ноября попала в окружение. Потеряв орудия и автомашины, личный состав вышел из окружения и соединился с основными силами полка.

В приказе командующего 3-й гвардейской танковой армией за заслуги 6-го гв. Т.К. в боях за Днепр, Фастов и Брусилов всему личному составу корпуса, в т. ч. и 286-му Зенап объявлялась благодарность.

Многие воины полка были награждены правительственные наградами.

Получив подкрепление живой силой и техникой, полк принимает участие в Житомирско-Бердичевской операции, а затем в боях за Проскуров и Тернополь, Львов и Перемышль.

Активное участие полк принял в боях по освобождению города Перемышль, ведя огонь по бронетранспортерам и бронепоезду врага. Особенно отличился расчет гв. Старшины Н. М. Николаева, подбившего бронепоезд и несколько бронетранспортеров и самолетов.

Приказом ВГК от 28 июля 1944 года личному составу полка была объявлена благодарность, а полк получил наименование Перемышльского⁶.

Далее боевой путь полка пролегал к Висле и Сану. При форсировании реки Вислы и на плацдарме вновь отличился расчет Н. М. Николаева из 4-й батареи, а также расчет Я. Т. Дидка из зенитно-пулеметной роты.

Во время переправы расчета через реку, на ее середине от взрыва бомбы в воду упал ящик с прицелом. Не раздумывая, командир расчета гв. рядовой Я. Т. Дидок бросился в воду, достал прицел и с ним пошел на другой берег, где быстро привел установку к бою и при очередном налете сбил самолет. На следующий день, когда переправу атаковало более 20 немецких самолетов, расчет Дидка Я. Т. увеличил счет сбитых самолетов.

Я. Т. Дидку было присвоено звание Героя Советского Союза.

В эти же дни расчет зенитного орудия гв. Старшины Н. М. Николаева сбил два вражеских самолета.

Забегая вперед, отметим, что в других боях на Сандомирском плацдарме расчет Николаева успешно уничтожал не только воздушного, но и наземного врага. В один из дней случилось так, что танки атаковали огневые позиции батареи противотанковой артиллерии. Расчет Николаева, стремясь помочь товарищам по оружию, открыл по танкам огонь противотанковыми снарядами. Дружными усилиями гвардейцы подожгли несколько танков врага и отбили его контратаку⁷.

Гв. старшине Н. М. Николаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

⁶ Сб. «Освобождение городов». М: Воениздат, 1985, стр. 386 – 387.

⁷ Н. Г. Нерсесян. Киевско-Берлинский. М.: Воениздат, 1974, стр. 137 – 139.

С Сандомирского плацдарма был открыт прямой путь к столице фашистского рейха городу Берлину. И на этом пути воины 286 Зенап проявили самоотверженность и стойкость, а 2 мая 1945 года полк был уже в поверженном Берлине.

За образцовое выполнение заданий командования в Берлинской операции полк был награжден орденом Красной Звезды⁸.

Участвовал полк и в оказании помощи восставшей Праге. Здесь воины полка и встретили день Победы. Правда, не 9 мая, а 11-го, т. к. 9 и 10 мая ТК вел еще бои в р-не г. Мельник.

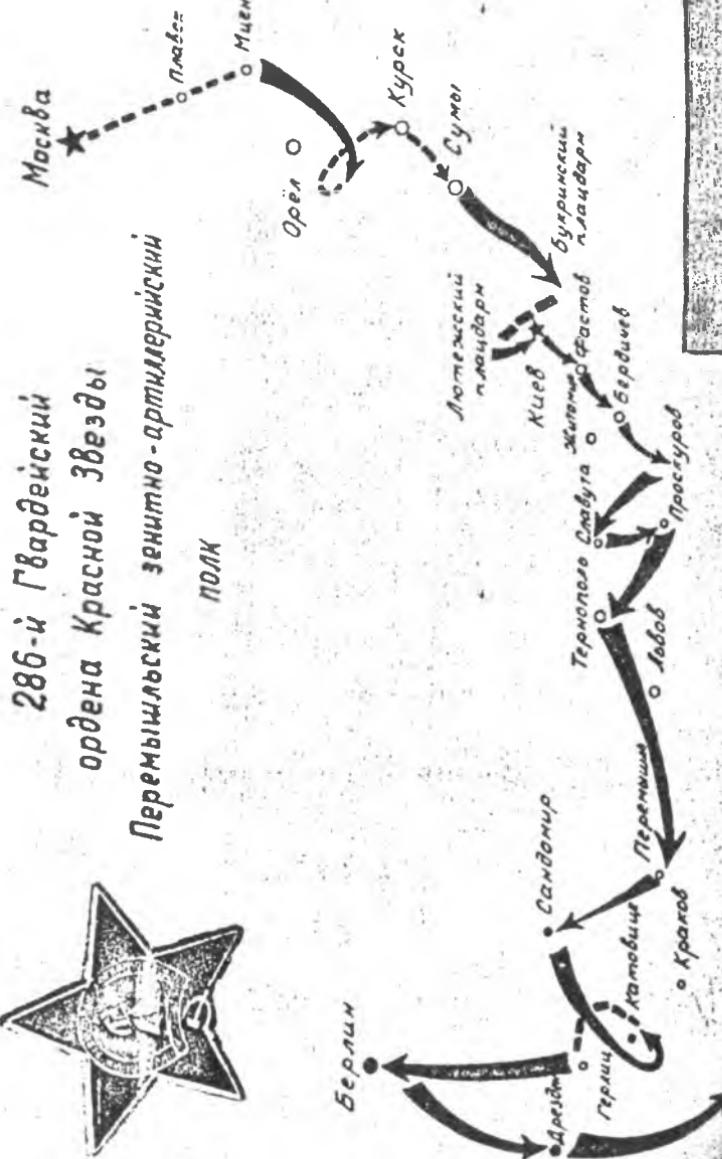
Таков вкратце боевой путь полка, а значит, и наших земляков.

Не располагая архивными данными, трудно сказать о его боевых достижениях. По подсчету ветеранов полк сбил более 150 самолетов (одна только 3-я батарея сбила их 87), уничтожил несколько десятков танков, бронетранспортеров, автомашин, сотни солдат и офицеров врага.

Славен боевой путь полка. Славны дела его солдат и офицеров, достойных сынов Отечества. В полку три Героя Советского Союза. После войны из бывших воинов полка один стал генералом, шестеро стали учеными (один из них – вологжанин, Фоминский Виталий Иванович – кандидат геолого-минералогических наук). С 1946 года по 1952 год полком командовал гв. подполковник Жигулин Александр Федорович.

По окончании войны и до 1991 года полк (уже зенитно-ракетный) дислоцировался в Западной группе войск в ГДР. В 1991 году был выведен из ГДР и размещен в Мурманской области, в г. Алакурти. В 1992 году ветераны полка посетили однополчан. Была теплая, незабываемая встреча. В настоящее время связь с полком у автора потеряна, а полк вроде бы расформирован. Поэтому автор и решил опубликовать воспоминания ветеранов-вологжан.

⁸ Третья гвардейская танковая. М.: Воениздат, 1982, стр. 272 – 274.

ДИДОК ЯКОВ ТЕРЕНТЬЕВИЧ

Родился в 1925 году в Пятихатском районе Днепропетровской области, в семье крестьянина. Русский, член КПСС с 1944 года, образование н/среднее, работал трактористом в Митинском леспромхозе Вологодской области. В Советской Армии с 1943 года. В том же году – на фронте.

Командир пулеметного расчета 286-го гвардейского зенитно-артиллерийского полка (6-й гвардейский танковый корпус, 3-я гвардейская танковая армия, 1-й Украинский фронт). Комсомолец, гвардии рядовой Дидок отличился в боях при форсировании Вислы южнее города Сандомир (Польша). 31.07.44 года во время артиллерийского обстрела переправы спас ящик с зенитным прицелом, достав его со дна реки. 01.08.44 года его расчет сбил один из 20 атакующих переправу вражеских самолетов. 12.08.44 года при отражении очередного налета вражеской авиации сбил сице один самолет.

Звание Героя Советского Союза присвоено 23.09.44 года.

После войны продолжал службу в армии. Окончил среднюю школу, военно-политическое училище в г. Горьком. Старший лейтенант Дидок служил и жил в г. Львове.

Награжден орденом Ленина, Отечественной войны 2-й степени, медалями. Умер 05.01.53 года⁹.

Фамилия Дидка Я. Т. указана на стеле Героев Советского Союза, установленной в парке в центре гор. Вологды.

⁹ «Герои Советского Союза» (краткий биографический словарь), Воениздат, М.: 1987 г., т. I, стр. 428.

* * *

Маршал Советского Союза И. И. Якубовский в своей книге «Земля в огне» так описывает подвиг Я. Г. Дидка:

«Советские воины при форсировании Вислы проявили много изобретательности, показали образцы мужества и героизма..

Вспоминается несколько эпизодов. Одной из первых переправлялась на западный берег батарея зенитного полка. Этого требовала воздушная обстановка. На середине реки паромы с зенитчиками попали под авиационный налет. От взрыва бомбы в воду упал ящик с прицелом зенитного пулемета. Командир расчета гвардии рядовой Я. Т. Дидок немедленно бросился в воду, достал прицел и с ним переплыл на другой берег. Когда переправу атаковали 20 немецких самолетов, расчет Дидка сбил «Фокке-вульф». От меткого огня зенитчиков загорелось еще несколько самолетов. Враг беспорядочно сбросил бомбы, не причинив большого ущерба переправе и войскам.»¹⁰

Яков Герентьевич был незаурядным молодым человеком. Работая трактористом в Митинском леспромхозе, он не считался со временем, делал все, чтобы норма была перевыполнена, а ему было тогда 17 лет.

На фронте он проявлял бесстрашие и героизм. Да что и говорить, - разбитым он был парнем, заводилой, хорошо пел, играл на гармошке, плясал. Любил рассказывать смачные истории. В мирное время трагически погиб – забыл выключить газ, горелка потухла, газ пошел в квартиру. Занимаясь деловыми бумагами, он не заметил этого. В результате – отравление газом, - так мне сообщили люди, знавшие хорошо Якова.

¹⁰ И. И. Якубовский. Земля в огне. М.: Воениздат, 1975, стр. 492.

«Рама»...сбита

Этим желанием жили и все расчеты нашей 3-й батареи. И такой день наступил.

...Сандомирский плацдарм. Первый день августа 1944 года. Батарея окопалась на убранном поле. Хлеб был скошен, собран в копны. Мы замаскировали орудия, окопчики и щели между ними снопами хлеба.

Маскировка получилась преотличнейшая, так что и «Раме» нас обнаружить не так-то легко. Примерно в километре от батареи начинался небольшой лес, а за ним, как говорили наши командиры, в 5-7 километрах протекала река Висла.

Рано утром наблюдатель доложил, что слышит шум самолета в секторе 8. Всё пришло в движение. Расчеты заняли свои места на орудиях (я был первым наводчиком).

Действительно, тут же с запада появилась «Рама». Командир взвода Н. И. Кулигин дал команду на открытие огня, ее отрывисто повторил командир орудия Левушкин.

Я нажал на гашетку и пушика «затяжкала». Открыли огонь и другие расчеты. В прицел было видно трассу летящих снарядов, но они пролетали мимо цели, хотя стрелять вроде бы просто, «Рама» летела низко, всего метров 200–300 от земли, курсом на батарею.

Пемецкий разведывательный двухфюзеляжный самолет «Фокке-Фульф 189», прозванный солдатами «Рама», представлял из себя опасного противника. Он был бронирован, увертлив, поражению осколками зенитных снарядов почти не подвержен, да и истребителям его сбить было не так-то легко.

«Фокке-Фульф 189» имел начинку из отлчнейшей фотографической оптики, средств связи и т. п. Хлопот он нашим войскам приносил немало. Появилась «Рама» – надай ниц, замри. Поэтому и у зенитчиков, и у летчиков-истребителей просто вынашивалась мечта рассчитаться хоть с одной «Рамой».

Возле нашего орудия появился комбат К. С. Бабенко. Он активно включился в корректировку огня, ведущегося расчетом. Однако время плохое, а «Рама» летела, не обращая внимания на стрельбу по ней и проплыла мимо орудия.

По команде комбата мы быстренько повернули ствол и усилили огонь уже вслед уходящей «Рамы», под 100 – 105 градусов по курсу. После 7 – 10 выстрелов я увидел в прицел прямое попадание в «Раму» двух снарядов и их разрывы.

К земле от самолета попали огненные сполохи, просматривалось падение обломков. «Рама» пакренилась, развернулась и стала падать, за ней потянулся шлейф дыма. Самолет упал в лес, порядка 2- 3 километров от батареи.

Одним извергом стало меныне.

Расчет одержал очередную победу над стервятником, увеличив счет сбитых батарей самолетов.

Все, кто был рядом с орудием, стали поздравлять меня. Известие об этом случае быстро долетело не только до штаба полка, но и штаба корпуса. Поступил приказ и о награждении отличившихся солдат. Я был представлен к ордену «Славы» 3-й степени и вскоре его мне вручили. То один из самых ярко запомнившихся эпизодов войны.

На место падения самолета пошли наши командиры и свободные солдаты, сняли с него разведывательную аппаратуру, передав в штаб корпуса.

Наши солдаты принесли также часть дюоралевой обшивки, которую мы использовали в погонах для придания им красоты.

Наводчик Ю. В. Гусаров

31 августа 1987 г.

(Записал В. Ф. Лукичев)

ПИСЬМО Ф. Л. ЛЕВЕНТАЛЯ (1923 г. р.. уроженца гор. Вологда) МОЛОДЫМ ОДНОПОЛЧАНАМ

Дорогие мои молодые однополчане, гвардейцы-комсомольцы!

Получил Ваше поздравление с праздником Победы. Спасибо.

Отвечаю на Вашу просьбу написать о моей комсомольской юности.

Да, это правда, она связана с военной службой, с Великой Отечественной войной. На фронте я был с начала и до конца войны. В кратком письме всего не расскажешь. К тому же судьба моя военная похожа на судьбы миллионов солдат с той лишь разницей, что я остался жив, то есть – мне крупно повезло. Солдат, как все, ныне живущие в нашей стране

фронтовики, многократно продырявлен различными металлическими «предметами».

Был комсоргом. А это значит – первым поднимался в атаку.

Однажды в такой атаке, когда бежал вперед, почувствовал удар в грудь, в область сердца. Это было зимой 1942 года под гор. Старая Русса. Резкая боль в области сердца заставила меня упасть ничком, лицом в снег. «Вот он, мой конец!» – мелькнула мысль. Мгновенно вспомнил родительский дом, мать, отца, детство, школу – всё это пронеслось в моем сознании в течение какой-то доли секунды. Стало жарко и душно. Расстегнув шинель, телогрейку, гимнастерку – сунул руку за пазуху: кровь! Однако как же так? Почему я до сих пор живой? Еще несколько секунд прошло, и я понял, что пока что это все-таки не конец. Надежда переросла в уверенность: «Да, действительно я жив!»

Нацупав рукой то самое место, обнаружил маленький осколок... И только тогда вспомнил, что когда бежал, прямо передо мной грохнул разрыв. Это была, вероятно, мина (или арт. снаряд). «Ура! Я жив!..» И этот мой внутренний голос слился в общем порыве атаки с многоголосым «Ура!» солдат нашей роты. Я встал и побежал дальше. Вперед.

Многих товарищев недосчитались в этот день в нашей роте. Чем я лучшие их? Смерть была рядом. Но я остался жив благодаря лишь тому, что в нагрудном кармане шинели был толстый (около 2-х см) слой бумаги, алюминиевая солдатская ложка, а в нагрудном кармане гимнастерки – красноармейская книжка и комсомольский билет. К тому же, зимняя одежда: под шинелью телогрейка, теплое белье. Всё это было пробито осколком, который застрял в груди в коже, не достигнув сердца... «Родился в рубашке!» - говорили друзья...

После этой атаки было много других. Бывало много потерь, но мне как-то везло. Обходилось. До 23 февраля 1943 года. В день 25-летия Советской Армии опять же во время атаки попал под пулеметную очередь. Немецкая пуля пробила мне ногу. На этот раз я попал в госпиталь. А после излечения был направлен на формирование нашего полка.

В течение всей войны было много боев и много опасных ситуаций, но тогда просто старался не думать об исходе, о будущем.

Второй раз я родился в рубашке уже на территории Германии. Была сильная бомбёжка. Лежу я за бугорком. Вдруг – бац! – меня по голове осколок. Искры полетели из глаз, в голове всё помутилось. Как окончилась бомбёжка, отправили меня в медсанбат. Там осмотрели меня и сказали: «Можете отправляться в полк».

В голове периодически возникали резкие боли. Сказал об этом Бабенко. Он позвонил Федюкину, тот в корпус. После этого звонка отвезли меня в корпусный госпиталь. Там осколок хирург достал из головы, проговорив при этом: «Еще бы два миллиметра, и... А теперь езжайте в полк, счастливчик». А вскоре пришла и долгожданная Победа. И отправили меня на учебу в военно-политическое училище.

После окончания Военно-политического училища продолжил службу в рядах вооруженных сил, в различных частях. В 1961 году меня направили в Ярославский горвоенкомат. В 1973 году в какой-то день пришел на службу, разделся, и тут же в голове появилась резкая боль, и вмиг я вовсе ослеп.

Отправили меня в госпиталь Советской Армии им. Бурденко. Сделали там операцию – вытащили из головы второй осколок, который, двинувшись с места, зажал зрительный нерв. Зрение, правда, мне вернули. Но отправили в отставку. И тут врачи добавили, что я родился в рубашке.

С годами зрение все падало и падало.

И конечно же, в этом письме невозможно выразить все то, что случилось со мной, с моими товарищами-однополчанами, и все то, о чем вспоминаешь и думаешь сейчас, под конец жизни.

Всё же я надеюсь, что история Великой Отечественной войны будет служить вечным напоминанием нашему народу о великой ценности мира. Ужаснейшее событие тех грозных лет никогда не должно повториться.

Таков и будет наш наказ Вам, дорогие наши молодые друзья-однополчане!

Посылаю Вам лист из фотоальбома «Ветераны полка», который как-то иллюстрирует рассказанный мною краткий эпизод моей биографии. Мне удалось собрать и подготовить таких листов около тридцати – о ныне здравствующих, и около двадцати – о тех, судьбы которых пока не известны. Думаю, что если Вы получите воспоминания с подобным же листом из фотоальбома от ныне здравствующих ветеранов нашего полка, то получите материал для воспитания молодых воинов на боевых традициях.

Пишите! Надеюсь на личную встречу с Вами, если доживу до ветеранского сбора в сентябре. Хотелось бы получить от Вас письмо с подтверждением получения пакета и думается, что для армейских комсомольских организаций на современном этапе перестройки будет важным не упустить, взять в свои молодые руки дело патриотического воспитания подрастающего поколения. От этого многое будет зависеть в Вашей жизни. Как это сделать? Надо решать на месте. Как думаете, ребята?

Желаю Вам успехов в службе, учебе, жизни, здоровья и личного счастья.

С уважением ветеран полка Левенталь.

23 мая 1989 г., г. Ярославль.

Примечание автора:

полк в то время дислоцировался на территории ГДР.

ВСТРЕЧА С ЗЕМЛЯКАМИ

В августе 1943 года два батальона курсантов Архангельского военно-пулеметного училища были направлены на фронт. В их числе их я. Помнится, что из ребят третьей роты выехали: Николай Баранов, Алексей (Леонид) Маряшин, Юрий Смирнов, Алексей Ельцов, Юрий Гусаров и другие. Настроение было боевое, бодрое. Пели песни, храбрились: «Дадим фрицам!» И, конечно же, ни один не представлял, как это будем делать, хотя все в училище стали пулеметчиками и «максима» знали вроде неплохо.

Эшелону дали «зеленую улицу», и через наруч дней мы уже были в Курске, а наутро нас привели в лес, где было полно частей. Никто не говорил нам, что это за часть и кем мы будем. Я

почему-то обратил внимание на валяющиеся под кустами противогазы. Все было новеньким и погужным. Эх ...ма, сколько добра, считай, стинуло.

При прощании начальник училища полковник Олев назвал нас гвардейцами. Какие еще гвардейцы... Ну, учились исправно, пши хлебали, вот и всё. А что дальше? В пехоту, в артиллерию, или еще куда? Вот и гадай. В ночь мы снова совершили марш. По лесам.

Начался новый день, и кое-что прояснилось. В лесу загудели моторы. Мы не видели еще техники, но догадывались, что там стоят танки, самоходные орудия, тягачи. Завеса неизвестности приоткрылась: мы — у танкистов.

Стали приезжать «покупатели». Нас строили, из полевых сумок извлекались списки, назывались фамилии, и ребята куда-то уходили, кого-то увозили на машинах. Наша вначале большая компания становилась все

меньше и меньше. Осталась уже группа человек пятьдесят. Самых малорослых. Наступила снова ночь. И тогда Н. Баранов изрек:

- Всё, ребята. Идем в разведку, не иначе. А посему уничтожим письма, документы и прочее.

Развели малюсенький костер, на котором всё и сожгли, даже красноармейские книжки, свидетельства об образовании.

У гром прибыли новые «покупатели». Николая Баранова увезли.

Какой-то майор, с группой офицеров, проходили вдоль нашего строя и командирским голосом говорил:

- Выходи!

И всё. Вижу, вышел Маряшин, потом Смирнов. Майор движется в мою сторону. «Сам невысок, так и подбирает эту мелочь, - подумалось мне, - не иначе и в самом деле в разведку.» Майор осмотрел меня с ног до головы и рявкнул:

- Выходи!

На этом подбор закончился. Начали делить нас между собой прибывшие офицеры. Один из них, лейтенант, стройный, симпатичный, подошел ко мне:

- Поедешь со мной, иди вот к той группе.

- Ладно. - Думаю: ехать не идти. В училище набегался.

Подошла машина. Мы уселись в кузов, лейтенант - в кабину, и грузовик запылил в сторону поля. Вскоре показались окопы, дворики и закопанные орудия. Нас снова построили. Лейтенант представился:

- Командир третьей батареи 286 гвардейского зенитно-артиллерийского полка гвардии лейтенант Бабенко.

Здесь в роли «покупателей» выступали сержанты, младшие сержанты, старшина. Указывали на кого-то из нас и говорили:

- Пойдешь ко мне.

Ребята выходили из строя и шли к указанному младшим командиром орудию. Меня снова из-за роста никто не брал.

Бабенко крикнул:

- Левенталь! Где ты? Иди-ка, забери к себе одного. Разведчиком подойдет.

- Вот-те да. Разведчиком.

Подошел младший сержант Левенталь:

- Ну, идем, что стоишь.

В его произношении уловил наше родное, вологодское. Хотел спросить об этом, но Левенталь опередил:

- Откеле будешь?

- Вологодский.

- Я тоже вологодский, из самой Вологды.

- Сямженский я, сямженский.

- Хорошо, хорошо, земеля, разберемся. У нас еще один сямженский есть. Телефонист. Пошли в землянку, покажу.

Спустились в землянку. В получьме рассмотрел человека, лицо которого до крайности было знакомым. Но в смятении не смог его назвать, а он меня:

- Как тебя зовут? – спросил он.
- Валерьян Лукичев.
- Не Фёдора ли Митрофановича сын, с Марковской?
- Так точно, - по-военному отчеканил я.
- Ну, здорово, здорово. А я – Павел Федорович Скородумов с Миненской.

Вот так встреча! Деревни наши рядом. И мы с ним к тому же какие-то дальние родственники.

Я стал воздушным разведчиком, своеобразным постом ВНОС. А после гибели одного из телефонистов меня назначили на его место. И мы с Павлом Федоровичем и Ф. Левенталем в одном отделении составили святую троицу вологжан и прошли рядышком от Днепра до Переяславля.

ФРОНТОВАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

На фронт

После ночной бомбёжки прошло еще три-четыре дня, и был получен приказ на марш. Солдаты сразу же определили: на фронт. Сборы были недолги. Приказ есть приказ. Кстати, поскольку бомбёжка та произошла ночью, немцы выбросили немало осветительных бомб, которые расстреливались из пулеметов ДШК и весьма успешно. Пулеметных трасс в ночном небе было предостаточно, и это напомнило фейерверк.

Меня определили в первый расчет. Командир расчета Левушкин сказал: «Орудие на марше должно охраняться. Садись в вилку и смотри». Мне, мальцу, и невдомек, что это шутка. Да и всякие просьбы привык выполнять с первого слова, не перечая. Забрался на площадку в вилку, что поддерживала ствол в горизонтальном положении на марше, и машина зашумела.

Погода стояла отменная, сухая. Пыли по дороге вдоволь. Три пары колес «студебеккера» и две пары орудийных поднимали ее предостаточно. И вся она крутилась у вилки. Не только смотреть, но и дышать стало нечем. Шофер держит скорость. Кругом шум. Кричи – не кричи, никто тебя не услышит. Задней машины из-за облака пыли не видно. А дышать нечем. Просто погибаю, да и всё тут.

К счастью, быстро приехали. Вышел я из вилки весь в пыли, как в муке на мельнице. Солдаты попадали со смеху. А у меня слезы на глазах. Вот так шутка.

Батарея заняла позицию недалеко от железнодорожного разъезда. Там была оборудована площадка для погрузки техники. Подошел состав, началась погрузка танков. Танки выходили из лесочка и с ходу въезжали на платформу. Погрузка шла медленно. Видно, что танкисты не торопились.

И вдруг к площадке подскочил «виллис» и бронетранспортер. Из машины вышел генерал. Бабенко посмотрел и сказал: «Павел Семенович пожаловал. Буде дило». И правда, у танкистов с погрузкой дело пошло веселей.

Вскоре погрузку танков закончили. Погрузилась и наша батарея: два орудия в голове, два в хвосте. Паровоз дал гудок, застучали колеса на стыках, эшелон двинулся в путь.

Ехали по местам боев, большие ночью. Эшелон тянули иногда два паровоза. Перед мостами через реки делали остановки, один паровоз проходил мост туда и обратно, и только тогда начинал движение весь эшелон.

В одну из ночей прибыли на станцию, которая была вся разбита. Множество сгоревших вагонов, некоторые еще чадили. Значит, фронт недалеко, - так определили мы с Юрием Смирновым, с которым в дороге стали настоящими друзьями. Недалеко от этой станции видел упавший на бок паровоз, чуть не размявший стоявшую рядом хату. Уже после войны, кажется в 1949 году (или даже в 1952), ехал я на юг, в Одессу или Краснодар через Полтаву поездом 510, - так этот паровоз лежал на том же месте. Зрительная память у меня хорошая. Вижу этот паровоз и сейчас.

Заметил, что днем иногда эшелон шел в одном направлении, а ночью обратно, и поворачивал на какой-то станции то влево, то вправо. Значит, наш путь держится в секрете.

Опять же, на одном из полустанков в Сумской области ночью получили команду на разгрузку. Всё пришло в движение. Батарея разгрузилась первой и сразу в путь. Позицию заняли недалеко от станции. Чуть начал брезжить рассвет – меня поставили на пост. Осмотрелся. Стоим на бугре. Рядом проволочное заграждение, надписи «мины». Заглянул за проволоку. Мать моя родная! – валяется нога с сапогом, невдалеке рука. Жуть.

В лощине – сожженное дотла село. Одни трубы торчат. Невдалеке из землянки вышел дед. Первый вопрос к нему: когда ушли немцы. Он сказал, что немцы ушли отсюда недавно. Вскоре батарея снялась и своим ходом двинулась к линии фронта. Встреча с врагом произошла через день. Об этом пойдет речь в статье «Первый бой».

Первый бой

Я был рядовым. Не положено было знать солдатам ни о целях и задачах полка, а тем более о направлении, куда он следует.

Этот день, осенний и солнечный, запомнился на всю жизнь. Еду на головной машине с первым орудийным расчетом. Солдаты расчета в дороге могут и вздрогнуть, мне же, разведчику, никак нельзя этого делать и даже в мыслях допустить. Стой начеку, смори за небом, которое редко бывало пустым от самолетов.

Несколько дней батарея двигалась за войсками, а противника всё нет и нет. Драпает, догнать невозможно. Но всё же такое время наступило.

Батарея спускалась в низину, когда невдалеке грохнуло несколько разрывов. Над головой проносились со свистом мины и снаряды. И я всё насыпал на Скородумова с вопросами:

- А это что просвистело?

- Снаряд, мина, - отвечал он. - Но это не наши. Своего не услышишь.

Разрывы гремели уже позади. Проехали село, а остановки нет, едем дальше. Вот и приехали. Впереди враг. Стали слышны орудийные выстрелы, треск автоматов и пулеметов. А расчеты двигались вперед. Вдруг в нашу машину ударила болванка. Мотор загорелся. В один миг спрыгнули и стали отцеплять пушку. Ее удалось откатить и подцепить к другому тягачу. Всё это потребовало времени. Кругом грохотало.

Развернувшись, батарея проследовала на окраину села и заняла огневую позицию на поле.

Мы еще полностью не окопались, как со стороны передовой появился самолет. Присмотревшись, я определил, что это ME-110, и крикнул:

- Воздух!

Огня открыть не успели. А вот возню нашу летчик заметил. Сделав полукруг, он сбросил бомбу.

Один из солдат был ранен. Мне поручили доставить его в медсанбат. Вроде ничего особенного. Но для молодого бойца это уже было испытание. Да и как же иначе! Вырос я в глухой деревушке, можно сказать – в медвежьем kraю, где появление первого трактора и автомашины вызвало такой переполох, что описать трудно.

Рос я ребенком малым. Стеснительным до предела. Страшно боялся крови. Когда резали животное, я вообще уходил из дома. А тут кровь свищет из человека – как не растеряться! Да и возраст какой: только-только восемнадцать исполнилось. Поэтому окрик старшины:

- Что стоишь, сопляк! Быстро тащи его в медсанбат! – как бы отрезвил, побудил к действию.

Устрашила меня и увиденная картина в медсанбате. Возле хаты сидели, лежали и стояли раненые. У многих бинты пропитаны кровью. Ни врачей, ни сестер не было видно. Раненые же всё поступали и поступали.

Я не знал, куда положить своего товарища, кому об этом сказать. Подтачив его ближе к входу в хату, решил сразу же бежать на батарею.

Но тут напало на меня снова ребячество. Вместо того, чтобы бежать на батарею, пошел посмотреть на подбитую машину, благо, как мне казалось, это было недалеко. Но не тут-то было, пришлось ее искать. Не представлял я, что это не так уж и безопасно.

Машинка стояла там же, вся обгоревшая, но не развороченная. Наших здесь никого не было. И тут мое внимание привлекла рядом стрелявшая пушка и копошащиеся возле нее бойцы в касках. Разинув рот, я наблюдал, как брали снаряд, толкали его в казенник и вслед раздавался грохот. Сколько я увлекался этим делом, не помню. Из состояния детской увлеченности меня вывел опять же старшина. Схватив меня за рукав гимнастерки, он изрек:

- Что ты здесь делаешь, сопляк? По всему фронту тебя искать, что ли? Ты куда прибыл, знаешь? Под трибунал захотел? Марш на батарею! – и покрыл меня трехэтажным матом.

После этого я дал такого стрекача, что и не сказать.

Когда прибежал на батарею, орудия уже были закопаны в землю. Занял свой пост и я. И вновь на нас шел Ме-110. Батарея открыла огонь. Фриц начал маневрировать и бомбы сбросил в другом месте. А вот батарея подверглась минометному обстрелу. К счастью, никто не пострадал. Меня чем-то трахнуло в правую лопатку. Ощущение было такое, что руку оторвало. И я заорал во всё горло: «Ой, рученька, рученька!» К счастью, это не так: то ли осколком, то ли камнем на лопатку была посажена здоровая синевица. Осмотрев ее, санинструктор изрек:

- Легко отделался. И не вереши впредь как боров под ножом.

Пока то да сё, день склонился к вечеру. Солнце скрылось за горизонтом. Начало смеркаться.

На передовой появились столбы дыма и пламени. Горело село. Бывалые солдаты заключили:

- Всё, отступает.

И правда, бой стал затихать, а вскоре и совсем прекратился.

Войска пошли вперед. Двинулись и мы.

Мазилы

Батарея на марше, который проходит по обширной безлесой территории и даже мимо сел и огородов. День теплый, солнечный.

Для авиации противника благодать. Стоя у кабины в кузове машины внимательно лежу за воздухом. Вот на горизонте с запада показались черные точки. Стучу по кабине комбату, машина быстро останавливается.

Звучит команда Бабенко: «Батарея, к бою!» Кругом войска. Всюду кричат: «Воздух!»

Зарываться в землю нет времени. Быстро орудия приводятся в положение к бою. Да и самолеты не заставили себя ждать, вошли в зону досягаемости наших пушек.

Батарея открыла интенсивный огонь. А вместе с ней и другие батареи полка. Да и не только нашего полка. Столько трассеров, что в глазах мешает.

Основной огонь батарея ведет поведущему. Летчик начинает маневрировать, а за ним и другие сбрасывают бомбы по площади, даже не пикируя. Освобождаясь от бомб поворачивают назад. Но бомбежка есть бомбежка. Были и потери в войсках, едва не пострадала и батарея. Задачу зенитчики выполнили, не допустив прицельного бомбометания. Так ведь не каждый это понимал. Самолетов-то ни одного не сбили.

Проходящая мимо пехота этим была недовольна. Из колонны слышались упреки и насмешки.

- Зенитчиков соломой надо кормить, - говорили одни.
- Мазилы несчастные! – кричали другие.

Поединок с истребителем МЕ-109

Это произошло в тот же день. Батарея продвинулась еще километров на пятнадцать, когда её остановил патруль полка. Рядом был штаб, в крайней хате какого-то села. Почти сразу же появился МЕ-109, хотя наших самолетов в небе не было. Значит, разведчик. Первое орудие батареи тут же открыло огонь.

Мой окопчик был рядом. Мессер вначале сбросил две 50-килограммовые бомбы. Взмыл вверх, развернулся и снова стал пикировать, открыв огонь из пулемета.

Орудие продолжало стрелять. Дав очередь из пулемета, летчик, убедившись, что орудие цело, третий раз пошел в пике.

Расчет снова открыл огонь. И тут я услышал какой-то хлопок, над головой просвистели осколки. Обстрела не было. Мины или снаряды не разорвались. Мессер, видимо, был подбит и, кувыркаясь, потянул восьмовязи к линии фронта. Обернувшись, я увидел, что ствол пушки стал короче. Его оторвало. На площадке в неестественной позе сидел наводчик Кабанов. Он был убит. Еще кто-то из расчета был ранен.

Подбежали Бабенко и другие командиры. Стали обсуждать случившееся. Если им верить, то в канале ствола орудия произошла встреча пули, выпущенной из пулемета мессером, и спаряды. При взрыве снаряд и разнес ствол.

Похоронив погибшего Кабанова, батарея снялась с боевой позиции и – «Вперед на Запад», как в то время говорили солдаты. Рядом двигался и штаб полка.

Произошло это километрах в тридцати от города Переяславля-Хмельницкого у с. Ташань, но точно, конечно, сказать не могу. Я частенько вспоминаю этот случай и прихожу к такому выводу, что он, пожалуй, был единственным за всю войну. Но я ошибся в своем выводе. Недавно перечитывая книгу М. Е. Катукова «На острье главного удара», на стр. 168 обнаружил такую запись: «В разгар боя машина Бурды выскочила на задворки села, и вдруг в триплексе командир увидел замаскированную в огородах и садах батарею противотанковых орудий. Немецкие артиллеристы тоже заметили танк Бурды. Снаряды загрохотали по броне тридцатьчетверки. И тут случилось почти невероятное: вражеский снаряд влетел прямо в канал ствола танковой пушки и разорвался внутри машины.»¹¹

Не исключено, что подобные факты были еще где-то. На войне всякое бывало.

Команда: «Отбой-поход», и батарея вновь двинулась в путь навстречу врагу. Такая встреча вскоре состоялась. И не с группой самолетов, а с единственным МЕ-109. Когда батарея проезжала мимо колонны пехоты, все еще слышались выкрики солдат: «Мазилы, мази-и-и-лы!»

На перекрестке у Переяславля. К Днепру

События, произошедшие в р-не Переяславля для меня чуть-чуть не оказались трагичными. Я мог погибнуть, пропасть без вести или попасть под трибунал со всеми вытекающими последствиями и не по своей вине, а из-за невнимательности к солдатам командира полка Федюкина. Остановилось на ней более подробно.

Итак, батарея в составе передового подвижного отряда 6-го гв. танкового корпуса двигалась к Днепру. Больше ночью, т. к. днем шли бои, немцы сдавали свои позиции только к ночи и откатывались за Днепр.

Вошли в большое горячее село. Проскочили его. Остановка на перекрестке. Меня вызвали в штаб полка. Федюкин дал приказ: «Остаешься на этом перекрестке. Подойдут другие батареи, будешь направлять вот по этой дороге - влево. Всё.»

Остался один-одинешенек. С одним карабинчиком и пятью патронами. Кругом тишина и зарево в ночи. Стало светать. Смотрю, кто-то идет в мою сторону. Кто он? Свой? Враг? Или просто гражданский? Залег в кювет, жду. Пригляделся - цивильный старик. Поговорили немножко, и дед по-

¹¹ М. Е. Катуков. На острье главного удара. М.: Воениздат, 1974 г.

шел дальше. Только и узнал, что немцы ушли вчера, на вечерке. И что вот вправо - город Переяславль-Хмельницкий.

Продолжаю стоять. Движения никакого. Никаких батарей нет. Время идет к обеду. Со стороны города показалась рота молодых солдат в новеньком обмундировании, а из села выскочила тридцатьчетверка, свернула влево и подняла облако пыли. И тут же в воздухе возник МЕ-109. Обнаружив солдат, сбросил пару бомб и обстрелял из пулемета. Мгновенно же исчез.

Среди солдат появились раненые. Так и не побывав ни минуты на передовой, пять человек выбыли из строя. Странно, что в роте никто не обратил внимания на самолет, тревогу «Воздух!» заорали, когда уже засвищели бомбы. Хотя я кричал им «Воздух!» Перевязав кое-как раненых, рота проследовала мимо меня по дороге влево, т. е. туда, куда ушла батарея.

И снова затишье. Где-то далеко шла артиллерийская перестрелка. Часа в три ко мне пришел сержант Осипов. Он был оставлен на следующем перекрестке. Поговорили, посудачили, поматерились и решили идти по дороге в левую сторону. В овраге увидели огромное скопление гражданского населения.

Никто нас не обгонял, никто и не встретился. Вечером зашли в какое-то село. Решили переночевать. Солдат в селе было порядочно. В хату не стали проситься. Ясно и так, что мест в хатах нет. Выбрали шалашик на огороде из кукурузы и расположились. Сходу задремали.

Вдруг раздалась команда: «Выходите! Бросайте оружие! Руки вверх!»

Ну вышли. Руки вверх. Три автомата, окружив нас и забрав наше оружие, повели в хату. В ней горел свет. Старший из автоматчиков доложил капитану: «Взяты два дезертира».

Мы предъявили документы. Пока читал их капитан, я смотрел на его форму и форму солдат. У солдат погоны красные, да и у него не армейская форма.

Доложили ему как все было. Душевный попался человек. Попадись другой, быть бы нам в трибунале. А этот объяснил:

- Я командир роты из заградотряда МВД. Где ваша часть, сказать не могу. Но думаю, вам надо идти в с. Цибли, а там прямехонько к Днепру.

На ночлег в хату он нас устроил. Хозяева покормили. Но не спалось что-то. Мурашки по коже бегали.

Поднялись утром и двинулись к капитану за документами. Пожелал он нам счастливой дороги и даже сказал до свидания. Оправдывался, что про наш полк ничего у «соседей» узнать не смог, и опять посоветовал идти в с. Цибли. Указал дорогу.

И мы с Осиповым двинулись. Только вышли из села, прошли мегров восемьсот до соснового лесочка, как на горизонте показались штук 18-20 «Хейнкель-111», а с луга открыли по ним огонь МЗА-37.

- Наши, - порадовались мы.

Да радость была недолгой. Подразвернулись стервятники и давай сыпать бомбы. Мы - в лесочек. Да и разбежались винцыхах. Я свалился в какую-то яму. Тут и начался кошмар. Все перемещалось от взрывов. Рушились деревья, от ближайших домов летели вверх бревна, свистели осколки, пыль, огонь, дымище.

Когда кончился этот ад, стал искать Осипова. Смотрю, а он бежит от села. Когда он туда успел сигануть, ума не приложу. Он устроил мне разнос: мол, не знаешь, как бомбят «Хейнкеля», а бомбят они справа при заходе вполоборота, и черт тебя понес в лесок, так как там могло завалить лесом.

Ну, ладно. Все кончилось хорошо. Пошагали дальше. Прошли лесок. Пошла открытая местность. Помню, что впереди различались какие-то земляные валы, а по дорогам пылили машины. Это уже хорошо.

Идем дальше. Снова лесочек начался на бугорке, а дорога внизу. Смотрим, в одном месте орудия стоят, огромадные. Осипов объясняет - мол, корпусные, тяжелые. У солдат, говорит, спросим, где наши. А кто скажет-то? Если даже и знает. Ведь ясно.

Попытались спросить, так снова: «Руки вверх!» И часа четыре потеряли. В с. Цибли явились часа в 4 дня. Полно солдат, много легковых автомашин, генералы ходят (одного даже без ноги на костылях видел). Прошли с оглядкой эти Цибли.

Тут нас обоз догнал. Ездовые народ разговорчивый, и то в молчанку играют. Но путь все-таки подсказали. Да и слышна уже стала стрельба минометов, орудий. Значит, путь верный.

Дорога пошла лесом. По ней прошли и танки, оставив следы от гусениц.

Наступила ночь. Сели под дерево. Подремали и в путь. Движение всё больше и больше, по любой маломальской подходящей дороге. Утром впереди послышался гул самолетов, и такая там пошла кутерьма, что трудно представить.

Самолетов - что ворон, и каждый сыплет от тонны до четырех тонн бомб. Когда зашли в этот район, жутко было смотреть (масса убитых лошадей, разбитых повозок, и т. п., даже перевернутые вверх гусеницами САУ-76).

Шагаем вперед. Слева показались шалаши. Один из солдат сказал, что это база партизанского отряда им. В. И. Чапаева. А еще через два километра увидели МЗА-37. Подошли. Наша. Первого расчета. Орудийный мастер заменяет тот самый разорванный ствол. Всё. Мы у своих.

Но до батареи, говорят, километров пять. Она на самом берегу Днепра. Форсированным маршем преодолеваем эти пять километров. А там нас уже и не ждали. Списали, так сказать, без вести пропавшими. Хорошо, что в штабе старшина Андреев не успел послать домой похоронки и их унич-

тожили. Броде уничтожили. Правда, нас никуда не вызывали и ни о чем не спрашивали.

Вот такой поворот получился от перекрестка дорог у Переяславля.

На Днепре

Первым, кого встретили на подходе к батарее, был наш повар Максимов. Он не в курсе дела был, что с нами. И первым делом спросил: «Откуда вы, ребятки? Что-то не видел, чтобы вы мимо проходили в ту сторону». И он показал рукой в сторону, обратную от фронта. Не дезертиры ли?

- Наперво покорми, - ответил на это Осипов. - Али забыл, что я снабжаю тебя всем необходимым?

Максимов засуетился, принес суп, хлеб, сухари.

- Только много не жрите. Вмиг завернет, - предупредил он. Покушали мы. Засобирались на батарею.

Максимов наставительно произнес: «Не спешите в ад. Там головы фриц не дает поднять. Наши сидят, как в мышеловке. А на той стороне плацдарм отвоевали. Такая заваруха, что прости, господи, как на мельнице людей мелет». Осипов стал решать свои вопросы на пищеблоке, а я с солдатом, пришедшим за ужином, ушел на батарею,

Солдат попался молчаливый. Спросишь, ответит, а не спросишь - идет и молчит. Вскоре пришли на батарею. Сразу же была теплая встреча с П. Ф. Скородумовым. Тот был в курсе дела. Он рассказал, что батарея вышла сюда позавчера утром (это значит в то утро, что меня оставили у Переяславля-Хмельницкого, примерно 20.09.43 г.). Здесь никого не было. На следующий день стали подходить войска, и начались страшные бомбёжки

Спасались у воды, у кругого берега. Три орудия так били, что стволы раскалялись, и получались потом не выстрелы, а плевки. 2 000 снарядов израсходовали. Сейчас и снарядов в обрез. Сидим. Днем головы не дают поднять. Чуть шелохнулся, сразу то мины сыплют, то снаряды. Справа, на том берегу, - плацдарм. А против нас немцы.

Потерялись А. А. Ельцов и Юрий Смирнов. Еще кого-то в госпиталь отправили. Чуть не убило старшину Андреева. Пилотку на голове осколком разрезало как бритвой, а голову не задело.

Я потом попросил Андреева показать пилотку. Достал он её из вещмешка и показал. «Голову, - говорит, - обожгло». Укладывая пилотку обратно в мешок, Андреев произнес: «Хранить буду пуще ока, до окончания войны».

В ту ночь мы с Павлом Федоровичем спустились к Днепру и под свет ракет поглядели на гладь воды. Когда шли обратно, он показал землянку, где располагался штаб полка.

Первая мысль, растревожившая меня: «Надо ли докладываться Федюкину». Спросил об этом Скородумова. На что он ответил: «Забыл он уже о вас с Осиновым. Бабенко доложит в строевой записке». Что это за документ, я понятия не имел. На этом и успокоился.

Со стороны Циблей послышался шум моторов самолетов. Прислушался: летят наши У-2. Вскоре они сбросили осветительные бомбы и стали обрабатывать бомбами лесной массив напротив нас, где скопился враг. От осветительных бомб и на батарее было светло, как днем.

Рано утром меня отправили на кухню. После завтрака я занялся изучением местности, для чего вышел на самый берег, спрятался за кустик и смотрел. Батарея стояла на поляне, окруженной сосновым лесом. Напротив нас, на том берегу, лесной массив, раскинувшийся влево (вниз по реке). Несколько правее - открытая местность, овраг. Перед селом стоит ветряная мельница, невдалеке от нее - подбитый самолет «Хеншель-126» («Костыль»). Далее на бугре - с. Григоровка. Она, говорят, в наших руках. Позиции нашей пехоты идут недалеко от села по открытой местности. Вот её-то целыми днями и обрабатывает враг минами и снарядами с утра до вечера. Да иногда и ночью.

Там-то и работает эта чертова мельница. Пришло известие, что четырьм нашим из 6-го танкового присвоено звание Героя Советского Союза (Петухову, Семенову, Иванову, Сысолятину). Появилась какая-то зависть к этим ребятам. Петухов Коля и Иванов Вася наши вологодские.

Однажды я увидел, как к берегу поднесло лодку, в которой был убитый солдат и стоял пулемет «Максим». Пришло решение забрать пулемет на батарею. Сказал об этом Бабенко. На что он отрезал: «Не лезь поперед батьки в пекло. Занимайся тем, что тебе приказали делать».

Следующее, что предпринял, - стал искать Ю. Смирнова. На берегу нашел его фото. Поразмыслив, чуть углубился в лес. Там вся земля в воронках. Много погибших, еще не захороненных. Трупный запах. Но я усердно осматривал. И в одной из воронок обнаружил труп, до неузнаваемости изуродованный (нижняя челюсть разбита, затылок тоже, колени ног вжаты в брюшную полость, ниже колен ноги оторваны). В общем, - бесформенный кусок мяса. И только лоб, нос, брови показывали, что это все-таки Юрий.

Забросал землей труп тут же, в воронке, всплакнул, простился с другом, и на батарею.

До сих пор мне жутко от увиденного. Родителям Юры рассказать, видимо, не смог бы. А вот сообщил ли им о смерти Юры - начисто забыл.

В один из дней стоял я на посту и вел наблюдение за воздухом. Самолеты не появлялись. И тут перенес свое внимание на овраг на том берегу, напротив нас. Присмотревшись, обнаружил, что по оврагу движется колонна немцев. Немедленно доложил К. С. Бабенко. Тот скомандовал: «Батарея, к бою!» Дал координаты, и два орудия начали стрелять по оврагу.

Немцы стали разбегаться, выбегать из оврага, а на верху их резали пехотинцы пулеметными очередями. Получилось неплохо. Да только нашему комбату комполка Федюкин устроил разнос, так как батарея подверглась обстрелу (а значит - и КП полка), была ранена санинструктор Катя, замком полка Мильнер и танкист.

Я не видел, когда ранило санинструктора Катю. Но хорошо видел, как ранило танкиста. Он бежал, видимо, к машине. Тут невдалеке разрыв. Танкист качнулся, сделал еще шага два и рухнул на землю. Позднее говорили, что у него вообще оторвало ногу почти по колено.

Как-то ночью мы с телефонистом из штаба полка получили приказ взять катушку провода, переправиться на правый берег и установить связь с ЗПР (она уже была переправлена). Привезли нас на переправу. Там, конечно, кутерьма. Старшой мой утрясает вопрос с переправой. А ему объясняют: «Не до вас». Тогда говорю ему: «Смотри, на понтон грузят Т-34. Садимся и вперед». «Вот ты, пичуга, и садись, - отвечает. - Тебя не рассмотрят.» В общем, я оказался па танке. Паром потянули, и он тут же полузатонул. Шум, ругань, меня обнаружили. Что было – не описать. Да всё обошлось. Нас перебросили на лодке. Связь была установлена, и мы тем же путем вернулись назад.

В один из дней в лесу на той стороне такой грохот раздался – ужас! Спрашиваю у Павла Федоровича, что, мол, это? Орудия не стреляют, а там такой грохот. А это, говорит, «Катюша» огоньку дала.

В одну из ночей батарею подняли по тревоге. Пропахали лесом километров шесть и по понтонному мосту переправились на правый берег Днепра.

Я сразу получил приказ установить связь со штабом полка. Бабенко показал, куда идти. А поди ночью разберись, туда ли идешь. Взял катушку провода и пошел, шел, пока из кустов не раздалась автоматная очередь. Прямо над самой головой. Сиганул обратно. Смотал часть провода и пошел левее. Вскоре запнулся за провод. Чей он? Наш? Вражеский? На всякий случай присоединился. Бегом вернулся на батарею, а Скородумов говорит: «Связь есть». Снова до места присоединения, отрезал конец от катушки и успокоился. Надо же, такая удача. Правда комбат добавил, что дурная голова ногам спокоя не дает. Надо было сначала найти линию и от нее вести нитку. Вот и не бегал бы туда-сюда. Но я тогда был разведчиком, а не связистом, откуда мне было знать это.

На Букринском плацдарме, куда переправился и наш полк, шли ожесточенные бои. Наносила бомбовые удары авиация противника. Зенитчикам полка работы хватало. Вскоре началось наступление. Была произведена мощная артподготовка по врагу, удары авиации. Однако наступающие войска были сразу же остановлены.

Батарея заняла новую позицию. Меня ночью вызвали в штаб полка, вручили пакет и приказали доставить его какому-то полковнику. По карте

показали, куда идти, установили срок – два часа. Полковника этого я нашел. Но времени ушло куда больше. Мать честная! Что же мне теперь будет! Пришел в штаб, доложил: пакет вручил. Все в штабе промолчали. А Федюкин буркнул: «Да иди ты на батарею и помалкивай!» Так и осталась история пакета непонятной для меня тайной.

Пришел на батарею в момент объявления воздушной тревоги. Вражеский самолет шел на малой высоте. Орудия во всю били по нему. Вот трассы пошли совсем рядом с самолетом и один из снарядов врезался в него. Самолет вспыхнул и сразу же упал на бугор недалеко от батареи (примерно в полтора километрах). Очень захотелось посмотреть на него. Попросил разрешения у Скородумова, он отпустил. У самолета стояло несколько офицеров, спорящих между собой. Наш Бабенко К. С. носился с какими-то бумагами. На встрече в Фастове я напомнил ему об этом. И он сказал, что на каждый сбитый самолет надо было подписать акт у других командиров (пехотинцев, танкистов и т. п.).

Ну и дела! Везде надо бумажку, даже на фронте.

А впереди шел бой. Меняю огневую позицию. Дорога вывела к Днепру и пошла по берегу возле самой воды. Едем. В одном месте подъемчик и справа крутой обрыв. Смотрим, в воде до башни, в реке стоит танк Т-34. Как он туда угодил? Все сошлись на том, что в горячке атаки экипаж не смотрел на карту. Разогнались, не заметили обрыва и сделали скачок в пучину. Экипаж, видимо, погиб, так как упал с высоты метров пятнадцати. Жаль. Очень жаль. Значит, командиры что-то упустили при подготовке к атаке.

Только стали выезжать на равнину, как были обстреляны немцами-автоматчиками. Все спешились. Я залег в воронку. Немцы, правда, тут же разбежались. Смотрю, идет в нашу сторону солдат с перевязанной рукой на подвязке. Присмотрелся. Боже мой! Василий Стуков! Мой земляк! (Наша деревня в 15 километрах одна от другой.) Вместе призывались, вместе учились в Архангельском ВПУ, вместе ехали на фронт. Поговорили минутку, распрошались и больше не встречались. Недавно узнал, что полковник В. Стуков вышел в отставку. Живет вроде бы в г. Орле.

Едем дальше. Заняли огневую позицию. Окопались. Местность открытая. Рядом проходит овраг. Реки не видно. Недалеко по полю проходит линия обороны пехоты. Смотрим, из низины выскоцила тридцатьчетверка и понеслась на врага. И тут же была подбита. За ней в атаку пошел второй танк и так же был подбит. Какой-то дуралей (иначе не скажешь) послал третью машину, которую тоже подбили. Да что это такое? Кто среди бела дня на погибель послал три экипажа? Нам, конечно, это было не ведомо.

Меня послали за обедом. Кухня была в овраге. Взял ведро, пошел. Получив обед (суп, капу), возвращаюсь на батарею. И вдруг, слева высекает «катюша» и дает залп. Клубы дыма, пылища. Супишко мой чуть не засорило. И не побежишь – расплещешь... «Катюша» сразу же скрылась. И

тут же появился МЕ-109. Сбросил какой-то чемодан, и пошло рвать, как гранатами. Стою, как вкопанный. Невдалеке бежал солдат. Упал прямо на гранату (однокилограммовую бомбочку), которая и рванула под ним. Вскоре всё смолкло. Подбежали два солдата и подобрали пострадавшего. Он еще был жив. Что потом? Неизвестно. Принес я обед, а старшина говорит: «Хлеба-то нет. Марш за хлебом!» Куда?

Тут подошел комбат Бабенко и разъяснял, что машина с хлебом находится в овраге и блокирована вражьими автоматчиками. Задание, мол, опасное, а людей надо накормить. Так что надо идти. Выделили одного солдата, такую же мелюзгу, что и я. Пошли мы. Резво так пошли, так как нет, нет - да и свистели пули рядом. Вскоре и овраг нашли. Сидит там наша пехота в стенке наверху, как в ласточки в норах. Возле стенки и мы двигаемся. Пехотинцы чертыхаются: «Куда вас несет? Кто вас послал, сопляки?»

С километр шли по оврагу, видим конец ему, а там с промежутками строчат немецкие автоматы. Значит, там где-то и машина. Подходим. Видим, влево ответвление оврага. Понятно: тут-то и сидят в осаде наши снабженцы. А как туда проскочить? Решаем: только в паузе стрельбы. Посчитали время. Мало получилось. Но надо успеть. Успели. Нагрузились. И опять удачно выскочили.

Все в поту явились с хлебом на батарею. Решили передохнуть на бровке дворика. И тут прилетела то ли мина, то ли снаряд. Рвануло. Мой напарник, охнув, упал замертво во дворик. Я, сидевший рядом, отделался легким испугом. Смерть можно получить и не ходивши в атаку. Даже случайно. На то и фронт, война.

Следует сказать и вот о чём. Батарея меняла позиции по два, по три и четыре раза в день. Сколько земли надо было перебросать, трудно представить!

Вот и очередной денек закончился. Что-то будет завтра.

Попала первая половина октября 1943 года. Стоим в обороне.

Где-то числе 8-го стало известно: завтра наступление. Батарея стояла возле реки и рядом с лесом. По высоте шла оборонительная линия, так в метрах 800 от нас. Оттуда часто постреливали из пулеметов и днем и ночью. В один из дней послали меня из штаба полка доставить какому-то маленькому командиру записку. Эх, ма, как же я проскочу-то открытую местность - ведь видно всё, как на ладони. Только пробежал метров 400, как слева просвистела мина. И не взорвалась. Вторая тоже. Рванулся изо всех сил. Бегу. А мины плюхаются в песок и не взрываются. Счастье какое-то. Нашел этого командира, передал записку, и тем же путем рванул на батарею. Мин не летело. Страха никакого. Когда доложился, начальник штаба спросил: «Как добрался?» - «Хорошо», - говорю. «Да-а-а, - произнес он. - Молодец. Браво.»

Перед наступлением надо солдат накормить. Вот и послали меня на подмогу Максимову, нашему повару. Вырыли мы яму, сверху брезент, ветки и прочее. Ночь же на улице. Маскировка нужна. В общем, кухня заработала. Выбрался я из ямы. Пригляделся. Рядом стоит солдат, однополчанин по ВПУ. Стоим, шепчемся меж собой. Вдруг оттуда (с передовой) заговорил пулемет. Пули над головой просвистели. А Ковалев охнул, автомат выпал у него из рук.

- В чем дело? - спрашиваю.

- Да ранило меня в плечо. Так садануло, спасу нет.

Сбегал я за санинструктором, раненого стали у огня перевязывать.

Опять случай. А человек выбыл из строя. Надолго.

Покормили расчеты. Утром загремело кругом. Мне еще выпала честь помогать заряжать «Катюшу». На позициях немцев сплошная стена разрывов. И так час-полтора. Вроде бы ничего живого там не должно оставаться. А двинулась пехота и стоп! Двинулись танки и тоже стоп! В итоге вперед продвинулись совсем ничего (километра 2-3). Поскольку комполка очень любил, чтобы зенитчики были рядом с пехотой, если не впереди, то перебазировались и мы. Смотрю вот сейчас в книгу «3-я Гвардейская танковая» (стр.109-110) и читаю, что наступление это началось 21 октября 1943 года, где и сказано, что успеха оно не принесло.

Вечером меня вызвали в штаб полка. Вооружили до зубов. Еще с двумя солдатами посадили в полуторку. В кабину сел один из офицеров штаба, и машина двинулась в путь. Куда? Зачем? Мы, конечно же, не знали. Путь лежал вдоль передовой линии. А поскольку фрицы освещали ее тысячами ракет, представилась возможность следить за дорогой. Вот на ней-то я и сосредоточил свое внимание. Как потом выяснился, не напрасно.

Ехали не так долго и тихо. Достигли небольшого леска, где шла такая перестрелка, что уму непостижимо. Объехали мы его к вскоре остановились. Офицер куда-то сходил. Вернувшись, спросил: «Кто из вас найдет штаб?» Все трое промолчали. Тогда он повторил вопрос: «А кто из вас хорошо ориентировался дома в лесу?» Тут я не выдержал и отрезал: «Я!» «Вот и хорошо, - пояснил офицер. - Шагай в штаб и передай комполка вот эти бумаги. Сроку тебе часа полтора-два.» «Есть!» - ответил я. И, как собака ищейка, рванул по дороге в штаб. Ракеты и тут весьма помогли. Плюс память сохранила кое-какие ориентиры. По следу автомашины я быстро достиг штаба. Вручил адресату бумаги к вернулся на батарею.

Вскоре прозвучала команда к походу. И батарея двинулась по тому же маршруту, что я к проделал туда-сюда, и расположилась возле этого самого лесочка, в котором все еще шла перестрелка, которая на рассвете стихла.

Окопались, осмотрелись. За нами стояла батарея 76-мм орудий. Начался новый день, начались и действия. Первая начала батарея 76-мм орудий. Выстрел. Со стороны противника тут же прозвучал пущечный выстрел и

76-мм пушка была разбита. Так же получилось и со второй пушкой. Далее они стали стрелять из обеих, как при салюте. В ответ летели снаряды, - к счастью, не долетая и перелетая. Не долетев, они попадали к нам на батарею, а перелетая, никому вреда не приносили, так как позади нас ничего не было.

Как назло, в воздухе появился мессер. Один из наших расчетов открыл огонь. Тут же была одна пушка повреждена ответным выстрелом (снаряд угодил в колесо пушки и его разнесло вдребезги), а комвзвода Гамбаров был ранен. Огонь прекратили. А по самолету открыла огонь ЗПР и сбила его при выходе из пике. Летчик выбросился на парашюте. Как ни качался, чтобы ему попасть к своим, это ему не удалось. Из телефонного разговора я понял, что он был пленен и доставлен в штаб полка. Батарея же подверглась минометному и артиллерийскому обстрелу. Неприятная штука..

Сижу я в своей норе. Вдруг удар по земле сверху, и со стенки окопчика посыпалась земелька. Присмотрелся, торчит головка то ли от снаряда, то ли от мины. Что делать? Бежать? Куда? Продолжал сидеть. Потом показал ребятам этот подарок. Все цокали, удивлялись, догадки высказывали, почему не взорвался.

- Ну, - говорят, - заговоренный ты какой-то Лукичев!

Я им, конечно, не сказал, что я сиганул ранее от этого подарочка в овраг. Устроился. А тут четверо молодых солдат, светленьких, решили развести костер. На них кричал, ругался, а они – свое. Да и от меня метрах в двадцати пяти. Зажгли что-то. Дымок пошел. Немцы враз из миномета ударили. Мины упали рядом с ребяташками, всех четверых поразив. При взрыве мины осколок пролетел слева от моей головы, обдав теплом, и впился в стенки оврага. Схватив телефон, перебежал в свою нору на батарею.

На Киев и Фастов

Вечером последовала команда к походу. Двинулись. Темнота страшная. Сразу же первое происшествие. Шофер Машкин, идущий первым, а я у него поводырем, чуть не съехал с обрыва в овраг. И съехал бы, не заметь я мелькнувший огонек внизу – от сигареты, наверное. Немного проехали, и второе ЧП. Танк Т-34 перевернул нашу машину набок. Кто-то из солдат выронил из рук автомат ППШ и он застрочил. И строчил, крутясь, пока не кончились патроны. К счастью, их было немного.

Танкисты быстремко поставили «студер» в походное положение, и мы двинулись вперед. К утру достигли Днепра и спрятались в лесу. Дальше – через переправу на левый берег, в Переяславль-Хмельницкий, через реку Десну, снова через Днепр на Лютежский плацдарм. Двигались только ночью. Марш прошел хорошо.

На Лютежский шлагдарт прибыли ночью, с 1-го на 2-е ноября. Окопались на поляне, кругом лес. Поступила команда вжаться в землю и ни звука. «Вас тут нет!» Даже по самолетам огня не открывать.

Этой ночью я немного вздрогнул, приснился мне сон: с одной из девушек из д. Артемовской мы венчаемся в церкви. Всё так ясно виделось, что как дома побывал, всё наяву. Рассказал об этом Скородумову. На что он заключил: «Ну, - женят нас утром. Давай сменим позицию». Сменили. Окопались. Павел Федорович всё еще волнуется. «Давай, - говорит, - перейдем еще раз». Перешли. Снова окопались.

Рассвело. Взошло солнце. И тут появилась «Рама». Комбаг-2 лейтенант Чернов не выдержал, открыл огонь. «Рама» развернулась и ушла к своим. Примерно через полчаса прилетело двенадцать Ю-87 и давай нас бомбить. Кошмар какой-то. Разбомбили штаб полка. Погибли партторг и комсорг. Понесли потери батареи. Я со своим телефоном сделал полет и очухался метрах в десяти от своей «норы». В башке ералаш, ничего не слышу. На следующий день стал слышать, хотя в башке гудело, как в котле. Павел Федорович заметил: «Вот тебе и сон. Чуть действительно не женили нас с землицей на веки вечные. Идем-ка, посмотрим». Там, где мы ранее окапывались, зияли воронки от бомб в обоих окопчиках.

Написал я об этом домой матери. В ответе, написанном отцом, мама так высказалась: «Валерьюшка, тебя спасли мои слезы и Бог». Во время бомбёжки я простился мысленно со всеми родными. Вспоминаю сейчас и мураски бегут по спине.

Это, пожалуй, была самая опасная ситуация из всех.

Через день началось наступление по освобождению города Киева, после мощной артподготовки. Участвовало много авиации. Но оборону врага прорвать без танков не удалось. Двинулась и наша 3-я Гвардейская танковая, в том числе и 6-ой гв. ТК, в составе которого были и мы.

В поселке Пуще-Водица наша батарея и штаб полка попали под обстрел «кукушек», которые строчили из автоматов, не жалея патронов. Из пушек по «кукушкам» стрелять не будешь, пришлось спрыгивать с машин и залечь. Я угадал к машине штаба полка, залег под колесо. Соседом оказался комполка Федюкин, который приказал: «Беги в ЗПР, пусть дадут огня по деревьям!» ЗПР позади нас. «Есть!» Побежал. А пули так и свистят мимо. Но всё обошлось. После нескольких очередей из ДШК «кукушек» не стало. Двинулись дальше.

Батарея заняла позицию на высоте, с которой ночью был виден весь в пожарах г. Киев. Из города были слышны взрывы. Немцы взрывали дома, заводы, город подвергся огромному разрушению.

В сумерках мимо нас прошли части чехословацкой бригады генерала Слободы. Следующий день прошел в переездах с одного места на другое. Стало темнеть. Меня опять вызывали в штаб полка, и Федюкин приказал

пройти вперед по одной из дорог и разведать, далеко ли ушли танкисты. Пошел. Прошел километра три, ни танкистов ни пехоты нет. Еще через километр возле дороги обнаружил Т-34. Постукал по броне. Тихо. Заглянул в люк водителя, крикнул: «Есть кто живой?» Молчок. Решил идти дальше, но тут подошла штабная машина, остановил ее. Сошел с нее комполка Федюкин. Спросил: «Что там у тебя?» Вот, говорю, танк, а никто не отвечает. Федюкин подошел к люку водителя и посветил фонариком. Экипаж сгорел, у водителя блестели белизной зубы.

Тут подошла батарея, подвезли зимнее обмундирование, началась «торговля». Заварушка маленькая, в общем. Слышим, машина движется. Когда подошла к нам, различаем, что с солдатами. Останавливается. Спрыгивает солдат и спрашивает: «Братцы, вы не федюкинцы?» Бог ты мой! Алексей Ельцов заявил. Вот в такой ситуации пропавший без вести Гв. Рядовой Ельцов явился на свою батарею, для него радость и для нас всех.

Вновь идем вперед. Осторожно, с оглядкой. Видимо, в штабе еще не знали боевой обстановки. К утру со штабом полка разминулись. Поутру подошли к какому-то огромному селу. В село не заходили. Прошли мимо, окраиной, мимо ремонтной мастерской (МТС), где еще стояло много рухляди от комбайнов, сеялок. Это, оказывается, было Святошино.

Выехали на большой луг. На дороге и рядом - следы танковых траков, разбитая техника и трупы фашистов, некоторые из них размяты гусеницами танков, так что то, что было человеком, стало массой, растянутой до двух метров. Жуткая картина.

Впереди показался сосновый лес и дорога пошла лесом. Шли, не снижая темпа. Вскорости лес кончился. Батарея вышла к речке, кругом камыши. И, как в сказке, появился МЕ-110 и скрылся за лесом. Огня открыть не успели. Прешел он этим же курсом и обратно. Тут один из расчетов успел дать несколько выстрелов.

За речкой виднелось село. Комбат Бабенко дал мне приказ: «Сходи в село, посмотри, что и как там». Достигнув села (как потом узнал - Заборья), установил, что оно безлюдно. А солдат не видно. Зашел в одну хату, вторую - нет никого.

Вышел на улицу из одной из хат, смотрю - два пехотинца с автоматами идут. Встретились. Поговорили. Они и говорят, что, мол, в сторону Фастова, а там в поле колонна пеших движется, человек триста. То ли немцы, то ли гражданские, гонимые немцами, - разглядеть не успели. Вон залезь на сарай, глянь. Сам увидишь. Залез. Поглядел. И тоже не понял, что за колонна. Все-таки пришли к выводу, что это немцы гонят людей в Германию.

Я говорю им: побегу, мол, к себе на батарею. Те удивились: какую батарею? Как вы попали сюда? Ведь в лесу еще немцы. Где-то там наш батальон. Мы же в разведку пришли. Так и я, говорю, с этой целью здесь.

Разведчик называется: ни они у меня, ни я у них даже не спросили, из каких частей. Только побежал к себе, как в лесу началась страшнейшая перестрелка. Рванул, что есть духу, к своим.

Прибегаю на батарею, и в этот миг из лесу слева, как мы ехали, выскакивает Т-34. А на танке Павел (или Николай) Чернов, однополчанин по Архангельскому ВГУ. Кричу ему: «Стойте, стойте!» Танк остановился. Объясняю Чернову, что в поле какая-то колонна. Он постучал по башне, откуда показался командир, и в амбразуру: «В чем дело?! Кто такие?» Чернов ему объяснил. Люк закрылся. Танк рванул вперед.

Прошло немногого времени, и со стороны села показалась толпа гражданских. И тут же падегаши самолеты. И давай бомбить и батарею, и людей, чуть не ставших рабами вдалеке от Родины. А впереди, в лесу, шел еще бой.

Позиция у батареи была невыгодная, метал лес, да и накрыли нас здорово, так что огольца было мало. Как только окончилась бомбёжка, батарея снялась и заняла позицию уже за селом. Бой в лесу стих и в сторону Фастова пошли войска. В конце дня показалась армада «Хейнкелей» и давай бомбить Зaborье. Бабенко с сожалением сказал: «А ведь там штаб корпуса. Надо же так залезти в ад.» Как ему стало об этом известно, сказаль ничего не могу. Но в книге «3-я Гвардейская танковая» вычитал, как командарм Рыбалко Н. С. говорил генералу Новикову В. З. (ком. б Гв. ТК): «Надо, Василий Васильевич, умно выбирать Н.П. Не так, как вы это сделали с Панфиловым в Зaborье». Там же есть упоминание и о том, что штаб корпуса при бомбёжке в Зaborье понес большие потери.

Но батарея ничем помочь не могла, так как самолеты находились вне зоны поражения огнем наших МЗА.

Чудо спасло тогда батарею от несчастья, ибо мы избежали встречи с немцами (не встретив, кстати, в этом лесу и своих частей), и вырвались вперед стрелковых частей. Да и как знать, что к чему.

Ведь солдату не известно было о задумках и планах штабов, командования. Комбат-то - и тот не знал даже планов командования полка, не говоря о корпусе. А в освобождении Киева участвовало несколько армий. Не сила, а силища! Все могло быть.

Итак, стало известно направление (благодаря гражданским): мы идем на г. Фастов. Было это шестого ноября одна тысяча девятьсот сорок третьего года.

В ночь на 7 ноября 1943 г. подразделения 286 гв. ЗАП подошли вплотную к городу Фастову. Там шел бой. Это танкисты 6 гв. Танкового корпуса громили врага по-гвардейски. Ближе к утру бой перешел уже за окраины города.

Чуть забрезжил рассвет, командир третьей батареи гв. л-нт Бабенко приказал мне произвести разведку в городе.

Предутренний туман мешал вести наблюдение. Я осторожно двигался в

указанном направлении. И вдруг впереди всплыли силуэты трех танков. Чьи они? Осторожно приблизился к ним. Осмотрелся. Это были подбитые наши Т-34, три штуки. Танки располагались как бы колонной, один за одним. Рядом стояло зенитное 85-мм вражеское орудие. Один из танков, видимо, подорвался на мине. Башню снесло, и она висела на стволе орудия. Другие два сгорели вместе с экипажами. В голове пронеслось: как же так, одни расчет уничтожили три танка - что, у них снарядов не было, чтобы дать отпор? Непонятно. И в памяти всплыл наяву тот случай на Букринском плацдарме, когда тоже три машины, три экипажа погибли от одной пушки врага. А невдалеке заметил, что к танкам кто-то ползет. Присмотревшись, установил по танковому шлему, что это кто-то из наших, приблизился. Человек был ранен. Им оказался командир танка мл. л-нт, у которого, была перебита нога и ранена рука. Командир объяснил мне, что в городе наши. Центр освобожден, бой идет на окраинах.

Подхватив танкиста, доставил на батарею. Там ему была оказана медицинская помощь. Вскоре пришла тридцатьчетверка и его увезли в госпиталь. На прощание мл. лейтенант сказал: «Успехов вам. Мои все погибли, сле вырвался».

Меня вызвали в штаб полка. С офицерами штаба выезжал на рекогносцировку в город. Группа подверглась обстрелу автоматчиков. К счастью, никто не пострадал.

Стояла хмурая пасмурная погода. Шел снег. Так было 7 и 8 ноября. А 9 ноября развернуло. Вдруг начали бомбить город и нас. Причиной этому, думаю, были рядом находящиеся танки. Летчики посчитали их исправными. Убедившись, что это не так, набросились на станцию. Мы потерпели неописанные потери. Сложная была там боевая обстановка. Кругом гремели бои, а где-то впереди, где враг, не скоро разберешь. И батареи всегда были на чеку.

Вечером 9 ноября батарея получила приказ занять огневую позицию у высотки, что на северо-восточной окраине Фастова, и окопалась впереди пехоты возле высотки, похожей на верблюжьи горбы.

Всю ночь Скородумов и я несли нелегкую вахту на линии связи. А она то и дело рвалась, так как проходила через дорогу, по которой шли к городу войска.

Глухой ночью связь — в который раз — порвалаась. Надо идти на линию. У меня стало тревожно на душе: а не сидят ли на линии вражеские разведчики, портят ее, чтобы взять языка? Поделился этим с Павлом Федоровичем, а он как-то уклончиво ответил: «Бог его знает. Идти-то ведь надо. Будь осторожен».

Тихо кругом. Ни стрельбы, ни других шумов. Темнота. Я сиганул к линии сторонкой. Нашел колышки, на которых крепится провод, который через дорогу оказался целым. Значит, прорыв где-то по пути к батарее.

Прилег на землю, прислушался, огляделся (оказывается, если смотришь лежа на горизонт, что-то можно и рассмотреть), взял в руку провод. мет-

ров пятьдесят пробежал, снова прилег. Таким манером и двигался. Прилег. И вдруг, впереди, в метрах десяти, на фоне неба возникли две фигуры. Вжался в землю, затих. Мимо проследовали в сторону высотки двое детей с автоматами, в шапках-накидках, на головах шилотки. Мы же уже ходили в шапках. Значит, вражеские разведчики. Через некоторое время там, у высотки, возникла перестрелка из автоматов. И быстро закончилась. Утром среди солдат пропел слух о том, что ночью были расстреляны два разведчика врага.

Восстановить связь, вернулся на батарею.

Рассказал всё Навгу Федоровичу. «Да, - говорит он, - это что-то значит. Враг запечатлился. Не было бы большой беды. А тебя как куренка могли и утащить.» Сердце мое стало выдёлывать кренделя.

Чуть забрезжил рассвет, на линии - очередной порыв. Я побежал его устранивать и провозился не в меру долго. Устранив порыв и проверяв связь, отправился на батарею. Погода вновь испортилась, пошёл снег.

И тут один за одним раздались три выстрела из-за высотки, и вмиг три разрыва возле линии связи невдалеке от меня, чуть не поразившие осколками. Связь вновь пришлось восстанавливать. Соединив провода, бегом бросился на батарею. А там творилось что-то неописуемое. Кто-то кричал: «Танки! Танки!» Другие грузили на подошедшие машины ящики со снарядами. Двое бойцов вели под руки раненого комбата лейтенанта Бабенко К. С. Две пушки были разбиты. Справа у высотки стоял шлейф черного дыма. Там горели две САУ-152.

Через короткое время машины с остальными двумя орудиями ушли в сторону КП полка. Скородумов приказал снять линию связи. Я ринулся к телефону выполнять приказ старшего. Подбежав к телефону, который зуммерил, прежде всего снял трубку и услышал приказ командира полка: «Сокол! Сокол! Связь держать, чего бы это ни стоило!» «Есть, держать связь!» Странновато одному-то стало – неопытный. К тому же и пехота снялась и двинулась вправо к городу. Совсем одни. Так что, тревожиться есть о чём. А вдруг танки обойдут высотку, а с ними пехота, с автоматами? У меня же карабин, и всё. Ну, убью одного-двух (если успею). Дальше-то что? Плен? Не-е-ет. Я комсомолец. Гвардец. Так не пойдет. Выстоять во что бы то ни стало, связь держать. Поймут. Помогут. Комсомолцы в плен не сдаются. Уж лучше пулью в сердце. Всё это мгновенно пронеслось в моей юношеской головушке.

Забежал на бугор, глянул, - а танки-то рядом. Надо бы на него перетащить телефон – так провода нет. Телефонист с ком. Пункта полка известил меня, что со мной будет разговаривать «ноль шестой» (ком. Корниуса генерал Нанфилов).

- Сокол, я - 06-ой!

- Сокол слушает, - ответил я.

- Доложите, что у вас там происходит.

Ну, доложил, что есть. Мою сторону двигался САУ-152.

На связи вновь «06»:

- Связь держать во что бы то ни стало! Связь и еще раз связь! Вы там один. С остальными связи пока нет. Докладывайте обстановку каждые пять минут, - заключил генерал.

Где же танки противника? Сейчас они уже должны пройти мимо меня. Решил снова выдвинуться на высотку и понаблюдать. Это было рядом, метрах в пятнадцати-двадцати. Что танки совсем близко, можно было определить по звуку, ревущему уши. Выдвинувшись на высоту, обомлел. К высоте двигалась масса танков. Я метнулся назад. Телефон зуммерил.

- Сокол! Сокол! - надрывалась трубка.

- Я- «Сокол».

- Докладывайте обо всем покороче!

Доложил, как есть. Нет, надо снова посмотреть, что за высоткой, подумалось мне. Выдвинулся. Ого! Танки рядом. САУ-152 подбила три головных танка, остальные притормозили, даже откатились назад и готовятся к атаке.

Доложил снова 06-му. Сказал, что одной САУ не сдержать врага, а другого рядом ничего нет.

- Ноль шестой! Сокол! Дайте координаты для нанесения удара эрсами.

- Сокол! Что я вам дам? Карты нет. Да и не кумекаю я в этом.

- 06. Сейчас вам принесут карту. Сориентируйтесь.

Смотрю, по полю кто-то бежит в мою сторону. Через несколько минут прибежал И. А. Слабинюк, комсорг полка (так он представился, а я его ни разу не видел), который сразу же приказал: «Тяни связь вот сюда, на высоту!»

- У меня нет провода, давно бы это сделал. 25 метров и всего-то надо. Но нет их.

- Ах ты, раззява! - отрубил Слабинюк и побежал на высотку.

Уяснив обстановку и быстро вернувшись, он выхватил у меня из рук телефонную трубку, быстро передал данные для огня РС. Тут же где-то вдалеке раздался залп «катюши», и над головами стали видны сигары снарядов, летевшие в сторону врага за высотку (кажется - прямо на тебя) и падающие вниз. Грохот разрывов. Враг был ошаращен, но быстро опомнился, перестроился и вновь рванулся вперед. Танки вплотную подходят к высотке.

Слабинюк передал на КП данные для огня и закричал в трубку:

- Вызываем огонь на себя! Дайте огня! Огня дайте! Если погибнем, считайте нас коммунистами!

Раздался второй залп «катюши», над головой вновь, зловеще шипя, пролетели снаряды. Опять раздался грохот разрывов, ввысь летели комья земли, дым и прочее. Загорелись еще танки. Вражья пехота залегла, часть ее ринулась в сторону Фастова. т. е . туда, откуда пришла.

Слабинюк доложил 06 о результатах, попросил произвести еще один залп. На что генерал ответил, что на это нет возможности, но пообещал помочь чем-нибудь другим. И правда, очень скоро подошла одна пушка 76-мм, а за ней три Т-34. Пушка после нескольких выстрелов была разбита, расчет весь погиб, кроме командира.

Вновь позвонил 06. Доложил ему, попросил помои.

- Сокол! Посылаю к вам три коробочки (танки). Распорядись ими.

Мать честная! Там в них офицеры. А я рядовой. Сопляк. Танки, смотрю, идут. Ну, и показал им, куда встать. А как иначе?

Слабинюк, как корректировщик, ушел в штаб полка. Я продолжал держать связь и корректировал огонь, ведущийся из трофейных орудий. Меня сменил Скородумов, когда стих бой и наступила полнейшая темнота. За высоткой стояло зарево, там догорали вражеские танки. В книге «З-я гвардейская танковая» сказано, что их было уничтожено девятнадцать штук.

Рядом было два танка, которые не горели. Скородумов предложил слазить в один из них, что мы и сделали. Забрали из него полевую сумку с документами, вообще все документы, что попались на глаза, и я все это отнес в штаб. Говорили, что они имели какую-то ценность. В штабе что-то расспрашивали, что-то писали, как и что- помнится смутно. Ночевал в штабе, под кроватью.

Утром 11.11.43. ушел на батарею. Часов около девяти утра позвонили, чтобы я шел к высотке, к Слабинюку, - мол, предстоит та же работа, что и вчера. Враг вновь рвется от Фастова к городу. Зачем, думаю, мне-то идти, там же Скородумов. Зашел в землянку за карабином. Выхожу, а мне говорят - не надо туда идти. Слабинюк очень тяжело ранен. Да и радист там есть. Сейчас вернется и Скородумов. Не помню, какого числа (12 или 13 ноября) я ходил к высотке, побродил даже среди подбитых танков. На душе было жутче, чем в том бою. О Слабинюке я больше ничего и не слышал до 1944 года. Потом Скородумов написал мне с фронта, что ему присвоили звание Героя Советского Союза. А мне и Павлу Федоровичу Скородумову в декабре 1943 года в гор. Васильково были вручены ордена Боевого Красного Знамени.

О написании правильности вышеизложенного прилагаю копию боевой характеристики на Лукичева В. Ф., бог знает как попавшей ко мне и переданной Северодвинскому горвоенкомату и запросившему ГВК в 1987 году Ф. Л. Левенталем, как членом Совета полка.

Копия
Исп. вх. 1616

СЕВЕРОДВИНСКИЙ
ГОРОДСКОЙ
ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
Архангельской обл.
г. Северодвинск
19.10.87 № 3/2357

ЛЕВЕНТАЛЮ Филиппу Леони-
довичу
150023, г. Ярославль,
ул. Зелинского, д.2,кв.60

Высылаю Вам копию боевой характеристики на
ЛУКИЧЕВА Валерия Федоровича, 1925 года рождения.

Приложение: боевая характеристика на одном листе, толь-
ко адресату.

Врио Северодвинского горвоенкома
подполковник (подпись) ТЮЛЕВ

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
на гвардии ефрейтора ЛУКИЧЕВА Валерия Федоровича
на период с 2 сентября 1943 г. по 10.07.1944 года.

1. Год рождения - 1925
2. Национальность - русский
3. Партийность - чл. ВЛКСМ
4. Соц. Положение -
5. С какого времени в РККА - с 07.01.34 г.
6. Участие в Великой Отеч. войне - с 21.09.1943 года
7. Награды и время награждения - орден «Красного Знамени» 13.II.1943 года
8. Был ли в плену - нет
9. Был ли в окружении - нет

Тов. Гвардии рядовой Лукичев Валерий Федорович в полку с 2 сентября 1943 года. Работая телефонистом в боях за Днепр и Фастов, показал образец мужества и геройства. В бою под городом Фастов 10 ноября 1943 года, когда лавины немецких танков ринулись на город, он, находясь на НП корректировал стрельбу нашей артиллерии. Несмотря на критическое положение - не покинул своего поста, выполняя поставленную задачу - атака танков была отбита.

В настоящее время тов. Лукичев, находясь на батарее, повышает свою боевую выучку, в бою смелый и отважный.

Предан партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине.
Достоин быть офицером Красной Армии.

Командир 286 гв. ЗАП.
майор (Федюкин)

Основание: личное дело Лукичева В. Ф. № 5917

Копия верна: Врио Северодвинского городского военного комиссара подполковник (подпись) Тюлев.

Печать Северодвинского городского военкомата

* * *

Здесь мне придется несколько вернуться назад.

Поскольку мне неизвестна была судьба П. А. Слабинюка, я занялся поиском сведений о нем. А это очень трудное дело, так как Петр Афанасьевич был в полку всего неделю. По сути дела, его никто и не знал. Из наследственного листа яствует, что представление на звание Героя ему оформлялось еще при жизни, 10.11.43., а не посмертно.

Однополчане Л. А. Пахолков и А. И. Иванов утверждают, что Слабинюк П. Л. был отправлен в госпиталь, но какого числа, не помнят. Л. А. Пахолков называл 11.11.43., а отправили Петра Афанасьевича в госпиталь самолетом. Некоторые ветераны тоже упоминают этот факт.

В очерках о П. А. Слабинюке в литературе тоже нет единого мнения. Даже фамилия Петра Афанасьевича в разных источниках называется по-разному: Слабинюк, Слабеняк. Я же ясно помню, что Слабинюк 10.11.43. остался жив, ушел в штаб, затем организовал арт. огонь из трофейных зенитных орудий, который мне пришлось даже корректировать.

На днях просмотрел книгу-словарь «Герои Советского Союза». Там в т. 2 опубликованы данные на Слабинюка П. А. и указано, что он 10.11.43. был ранен и в тот же день скончался.

Теперь и вовсе я остался на перепутье. Хотя кое-какие материалы, также противоречивые, о Слабинюке П. А. я позднее получил от разных лиц, в т. ч. и о том, что мать его не известили, что её сын стал героям.

* * *

Когда одно из орудий при отходе от высоты прицепляли к автомашине, я посмотрел на шофера Гербахера. По середине лба у него была рана. Крови не видно было, кругом раны - синева. Я еще подумал, как же он жив-то остался. Вот с такой раной, в горячке, видимо, не чувствуя боли, Гербахер довольно споро взял с места и уехал в сторону КП полка. Был ли он отправлен в госпиталь, сказать затрудняюсь. По собранным Левенталем Ф. Л. материалам, Гербахер числится среди погибших однополчан.

Я иногда задаюсь вопросом: могла ли 3-я батарея МЗА внести какой-то вклад в отражение танковой атаки врага 10.11.43. Думаю, что да. Открыв огонь из 2-х стволов пушек-полуавтоматов с трассирующими снарядами, батарея навела страх не только на водителей танков (при плохой погоде трассеру вполне можно было принять за летящие снаряды «катюши»), но, главное, на пехоту, что тоже было немаловажно. Факт остается фактом, но скорость атаки была потеряна, немцы напор ослабили, замотались по полю, пока вновь не собрались в кулак, да ведь по ним вели еще огонь и САУ-152 и другие.

Мой позывной был «Сокол». Мне пришлось вести разговоры и с 01-м, 06-м, 03-м. Кто стоял за этим, я не знал. Но задаваемые вопросы, приказы, требования говорили за то, что меня числят каким-то командиром.

Я превратился вроде в рядового генерала.

- «Сокол!» Я- 06-й. Доложите обстановку.

- «Сокол!» Направляю к вам три коробочки. Встретьте, расставьте их по обстановке.

И так далее, и тому подобное. Неужели комполка т. Федокин не поставил своих старших товарищей в известность, что дело они имеют с рядовым солдатом - сосунком, как он меня называл. Невероятно, но факт. И пишу это честно, как коммунист.

* * *

В ночь на 14 или 15 ноября батарея, да и весь полк, снялись и к утру заняли новый район, как потом выяснялось, где-то недалеко от города Брусицова, у шоссе Киев-Житомир.

Горячая там была обстановка. Противник пер вовсю, стараясь вновь взять Киев.

Батарея окопалась возле какого-то большого села (вроде село Осовцы). В третьей хате расположился штаб. Провел туда линию связи. Первые два или три дня возле нас сравнительно было спокойно. Утром 20 ноября нас атаковали танки. Постреляли мы по ним из двух имеющихся орудий, даже один вроде подбили (сорвало снарядом гусеницу). Но пришлось нам ретироваться. Атака, однако же, была отбита. Сменили позицию.

Проехали село, затем какую-то речку миновали и окопались в поле. ИО комбата Гамбаров послал в штаб полка с запиской. Промесив грязь через все село, вручил записку кому-то из штабистов. А там дали новое поручение: по пути возвращения отнести записку в штаб танкистов. Выполнил я это поручение. Вернулся на батарею. Линии связи со штабом нет, кругом идет бой. Самолетов не видно, Тут откуда-то подскочила батарея «ка-тош», «проиграла» и смылась. А по нам посыпался град снарядов и мин. В воздухе со стороны противника появились четыре ИЛ-12, на них насыпал МЕ-190. Два ИЛ-а угrobил, варвар. Из-за двух других и нам огонь открывать нельзя. Вот так ситуация. Жуткая картина. Да видно, у варвара боезапас закончился, скрылся к своим. В это время жители села стали покидать село, со скарбом и скотиной потянулись в сторону леса. Осенний день быстро прошел. Наступил вечер. Уже ночью вызывает меня Гамбаров и так, с насмешкой, приказывает:

- Ну, герой, сходи-ка в село, в штаб. Узнай, что к чему.

Оружия у меня не было, карабин разбило у Фастова. Пошел. Пере-прыгнул ручей, иду в сторону села. Справа за селом постреливают. Слева из леса дали залп «Андрюши» (новая марка реактивного оружия, вроде РУ-3, снаряды 90 кг, длиной около полутора метров, на конце головка, как двухгрудовая гиря). За селом прогремели разрывы. Даже через хаты были видны летящие во все стороны раскаленные осколки. Иду дальше. Тихо. Кругом ни души. Подбегаю к хате, где был штаб танкистов – никого. Бе-

том в штаб полка – и там никого. И обуял меня страх: а что дальше? Как могло такое случиться? Как бы там ни было, а надо возвращаться. Может, сюда уже пришли немцы. Как добраться до своих? Что в село со стороны Житомира вошли фрицы ясно, как майский день. Улицами решил неходить. Вышел в поле, сориентировался, и двинулся в сторону батареи. Вдруг оклик: «Стой! Кто идет?» - «Свой», - отвечаю. Подпустил солдат. Артиллеристы, оказывается. Поговорили с ним. Сказал ему, что в селе никого нет, будьте настороже.

- Видишь, горит хата? Так там немчура, видимо, забавляется.

Солдат промолчал. Поверил он мне или нет – не знаю. Осторожно пошел в сторону батареи. Прилягу на землю, понаблюдаю – и дальше(кстати, прекрасно, оказывается. Можно осмотреться и ночью). Миновав ручей (речку), вскоре вернулся на батарею. Гамбаров ко мне: «Ну, докладывай, герой». Доложил всё, как есть. А он достает из кобуры пистолет, да как заорет: «Паникер! Расстреляю!» Но его осадили Кулигин и Андреев. Тут явился к нам пехотный командир и говорит:

- Скверные у нас с вами, ребята, дела. Через наши позиции прорвались танки с огнеметами, пожгли моих хлопцев. Теперь мы вроде в окружении. Мои ходили в разведку. Обнаружили разрыв метров в шестьсот. Может, будем выходить? Как на это смотрите?

Наш Гамбаров опять в амбицию. Но тот махнул рукой и ушел. Мы же остались.

На рассвете Гамбаров дал команду: «Отбой! Поход!», и батарея двинулась в сторону села. У мостика через речку была обстреляна, развернулась и поехала обратно. Не помню: или меня не взяли (кому нужен паникер?), толи я сам запоздал – в общем, батарея ушла без меня. Стою я на старой позиции и смотрю, что же будет дальше. Грязюка была страшная, машины не тянут.

Обе машины прошли мимо меня. Вдруг рядом грянул пущечный выстрел, и под передней машиной рвануло. Снаряд попал в скаты, машина осела. И тут началась настоящая паника. Поскакав с машин, все ринулись в сторону шоссе. Я остался на месте, один. Волосы дыбом встали – что делать? Куда идти? Смотрю, возле разбитой машины кто-то шевелится. Бросился к нему на помощь. Им оказался наш дальномерщик (фамилию забыл), раненый в грудь. Стащил с него шинель, разорвал гимнастерку и обнаружил рану выше сердца. Маленькая дырочка, крови нет, синева вокруг, при дыхании из раны шли пузыри. Я тогда еще не знал, что бы это означало. Однако догадывался, что пробито легкое. Быстро его перевязал. Парню стало легче, он даже встал. Поблагодарил. А что дальше? Куда мы теперь?

Осмотрелся. Со стороны Житомира по шоссе показались четыре танка (а может, самоходки), по размерам похожие на «Тигров». Вот так незадача! В селе, видимо, немцы. До леса далеко. До танков близко. Что же

дальше? Надо спасать раненого, себя ставлю на второй план. Смотрю, у второй машины возится шофер. Подбегаю – Машкин возится со своей машиной. Хватит, говорю, возиться, раненого надо вывозить. На что Машкин отвечает:

– Не заводится она, проклятая, да и не выехать – грязюка. Машина не тянет.

Тут меня и осенила мысль: сбросать всё с машины. Забрался я на машину, выбросил почти всё, кроме палатки.

Так вот, когда влез я на машину, увидел эту самую. Пушку, которая угрошила первую машину. Возятся возле нее солдаты, а не стреляют. Так и осталось загадкой – то ли это были наши, то ли немцы. В спешке я не успел и разглядеть. По нам не стреляли. Вот незадача. Даже дали возможность уехать. Была мысль сбегать и разбить калематоры у орудий. Но приближались танки, и надо спасать раненого.

Удалось рассмотреть, как один из танков бросился за нашими четырьмя пехотинцами, но и сам вспыхнул. Молодцы, ребята!

Остальные три рассредоточились и остановились. Тут и машина наша завелась. Погрузил раненого, и мы двинулись к щоссе. Пересекли его, пошли под уклон, к скирде соломы. Заскочили за скирду. Я с машины забрался на скирду, чтобы осмотреться. Один из танков дал пулеметную очередь. Пули просвистели рядышком. Вдруг из лесочки выскочил броневичок. Дал несколько очередей по танкам. Теперь всё их внимание было обращено в его сторону. Они развернули свои орудия туда. Но броневичок быстренько скрылся в сторону села, видневшегося внизу, в лощине. Забрали у скирды двух раненых пехотинцев, туда же двинулись и мы. Машина на этот раз не подвела, и вскоре мы оказались в селе. А там полно войск. Солдаты в новом обмундировании, белый подворотничок у каждого. Не то, что мы, у которых на шинелях хлопьями висела грязь.

Встретив полковника, я доложил, что к чему. Но он меня не удостоил вниманием, махнул рукой и пошел своей дорогой. Двинулись и мы. Миновали какую-то речушку и стали искать госпиталь, на крайний случай – медсанбат. Пехотинцев быстро сдали, а нашего не принимают, и всё. Даже перевязку не хотят сделать – «не наш», мотайте, мол, дальше. Мое сердце готово было разорваться при виде этого бездущия. Грустно и стыдно это говорить, но оставили мы его у дверей одного медзаведения. Прости, – говорю, но тебе же всё хуже, сколько можно ездить? Распрощались мы с ним, даже всплакнули. Жив ли он, бедняга? Вспоминаю, и сердце рвется на куски.

На следующий день на одной из дорог повстречали нашего старшину. Всё! Мы у своих! Но радость была преждевременной. Нас с Машкиным вызвали в штаб полка. А там пришлось давать объяснения и командиру полка, и майору-особисту из «Смерша». Первым опрашивали Машкина. Потом взялись за меня. Особению трясли за сброшенные с машины снаря-

ды и оставленные исправные пушки (надо, мол, было в первую очередь разбить калематоры). Особист всё упирал на вопросы: «Сколько времени были в окружении? Были ли в плену?» Я, конечно, всё рассказал как есть. Мне не верили. Федюкин заключил так: «Сколотим группу с тягачем, вот он и поведет эту группу. Без пушек пусть не возвращается. Притащит пушки – дам Героя. А сейчас пусть идет к связистам и ждет». Прошло дня два. Меня не тревожили. На третий день и вовсе отчислили на батарею.

При возвращении в коллектив батареи был встречен весьма холодно. К тому же еще слег – ангина привязалась. Температура доходила до сорока градусов. Но никто на это не обращал внимания – отворачивались.

Выручил меня П. Ф. Скородумов, вернувшийся с другой батареи, где он временно заменял телефониста, и Ф. Л. Левенталь, у которого в «сидоре» нашелся сульфидин и кое-что другое. (Филипп Леонидович, как бывший пехотинец, всегда и везде ездил с вещмешком.)

Вот так третья батарея стала «безлошадной». Но ее состав сохранили в целости, и мы пешочком следовали за танкистами. И длилось это довольно долго. Но это не значит, что у нас был праздник – так же попадали и под обстрелы, и под бомбажки, так как двигались-то в составе полка.

Пушки и машины батарея получила где-то в феврале 1944 года. За это время 1-й Украинский фронт переходил трижды в наступление. Некоторое время по причине, от меня не зависящей, я отсутствовал на батарее и влился в ее состав вновь уже в с. Черткория, в пятнадцати километрах от Тернополя. Участвовал во Львовской операции, и в июле (07.07.44.) был откомандирован в военное училище в город Сорочинск, Оренбургской области, которое и закончил в 1945 году. Сразу же был уволен в запас.

* * *

Вспомнились еще некоторые случаи фронтовой жизни.

В марте 1944 года было крупное наступление. Наш полк наступал по территории Винницкой области, по соседству с Черкасской. Так вот. В один из дней стояли мы середь поля – грязюка страшная, прошел снег и тут же стаял. Повсюду кучками лежали убитые фашисты. Наши редко попадались в одном месте. Пришли с Левенталем на осмотр телефонной линии. В одном месте, среди поля, Ф. Л. Левенталь говорит: «Хочу пить». Говорю ему: «Вон там низинка, значит – и ручеек есть. Зайдем попьем. Решено – сделано. Спустились. Действительно, течет ручеек. Наклонился я, чтобы испить. Глянул – а в воде вроде красные чернила растворились. «Филипп, – говорю, – смотри-ка, ведь в воде кровь.» Посмотрел и он. «Да, – говорит, – пожалуй, кровь». Не стали мы пить из ручья. Нашли лужицу, а в ней страшно много букашек. Снял Филипп свой «сидор» (он с ним, как я уже говорил, и во сне не расставался), нашел какой-то пакетик, на котором было по-немецки написано, достал из него пильюлю, бросил в лужицу, и букашки в момент окочурились, ушли на дно. «Вот теперь попьем, – сказал

Левенталь. – Теперь безопасно.» Попили и двинулись по ручейку вверх. Вышли к лощине. Бог ты мой! Сколько там убитых – не перечесть. Бой прошел недавно, вот кровища-то и текла по ручью.

Недавно при встрече я рассказывал об этом Филиппу. Но он после контузии мало что помнит, поэтому ничего сказать не мог.

А были со мною и два курьезных случая.

Батарея стояла возле села Черткория на бугре (на этом месте я побывал в 1961 году). Устроились мы основательно, так как армия была выведена на формировку. Даже землянки оборудовали. Так вот, пока еще землянок не было, П. Ф. Скородумов предложил установить телефон в хате, что стояла внизу, недалеко от батареи. Так и сделали. Наступила ночь. Павел Федорович дежурит у аппарата (УНАиФ-4), а я вздрогнул. Разбудил меня окрик: «Руки вверх!» Вскочил. От луча фонарика глаза режет. Не пойму, в чем дело. А вошедшие требуют: «Ваши документы». Ну, показали им красноармейские книжки. Тут я рассмотрел, что у сержанта и двух солдат красные погоны буквы «ВВ». В чем дело? Откуда они? Сержант начал нам выговаривать:

- Ай-яй-яй! Еще фронтовики называются. Спят, оружие в уголок поставили. Прямо-таки находка для бандеровцев. Позор!

- Да какие бандеровцы? Что вы мелете? – начал Скородумов говорить в ответ.

- А вот мы вам сейчас и покажем, – ответил сержант.

Вышли они. Дверь хаты оставили открытой. Сержант остался внизу, солдаты полезли на потолок. Не прошло и двух минут, как оттуда вытолкнули огромного детину. Вот так фрукт!

- Ну, что, ребятки? Вот вам натуральный бандеровец. С четверыми спрятается, а вас двое. Поняли? – заключил сержант.

Бандеровца увели, мы с Павлом Федоровичем почесали затылки. Надо же! А!

Только успокоились, как в небе раздался шум мотора самолета, вроде нашего У-2. Подумалось – наш, чего волноваться. Но рядом грохнул взрыв. Половина стены хаты вывалилась наружу. Схватили мы свои шмотки, аппарат и помчались на батарею. В окопе-то спокойнее.

Где-то еще на Букринском плацдарме меня уже в который раз оставили на перекрестке. Стоял я почти сутки без сна и еды. На вторую ночь силы иссякли, к я решил немного согреться (холодная, ненастная погода стояла) в рядом стоящей риге. Только прилег на солому снаружи – раздался топот ног и прозвучала команда «Перекур». В ригу кинулись солдаты. Вскоре новая команда подняла их на ноги - «Становись!» Солдаты побежали наружу, стали строиться. Я остался на месте. Зашел в ригу офицер, посветил фонариком, обнаружил меня, заорал благим матом:

- Что – вас команда не касается? Становись в строй!

- Я же не ваш...

- Разговорчики! Не наш он, видите ли. Здесь все наши.

Вышел, встал в строй. Солдаты были все в касках, с оружием, все чистенькие. Я же - в грязной шинели, грязной шапке. Прошагал в строю метров триста. Потом какой-то уже немолодой солдат вытолкнул меня из строя со словами: «Ишь, пристроился! Пошел вон!» Спасибо ему. Я бы по своей робости так и шагал бы в другую часть.

Часа через два за мной пришел Левенталь. Все-таки кто-то его послал найти своего солдата. А он всю дорогу бубнил: «Дали на свою голову разгильдяй!» Грешен, водилось за мной это. Но приказы выполнял свято и в срок.

У Черткории была проложена линия связи до штаба полка. Это километра три. Мы несли ее охрану. Комбат Бабенко всегда поручал отнести в штаб строевую записку и иные документы: «Линию проверишь (не присоединился ли кто посторонний) и записки сдашь. Всё по делу». А тут Бабенко К. С. говорит: «Сдашь записку, найдешь там санвзвод, приведешь на батарею санинструктора».

Нашел я санвзвод, дали там девушки, и мы пошли. Тропинка шла по краю села, по реке Серет. Возле воды шел ряд деревьев. Идем. Вдруг прозвучал выстрел в селе, и с дерева полетела кора. Мы шли рядом, я крайний к хатам. Пуля пролетела - ну совсем рядом. Еще бы на полкорпуса вперед шагнул - и всё. Она была бы моя. А санинструктору работа.

Остановились мы. Посмотрел в сторону хат. Определил: стреляли наверняка с чердака. Хотел пойти разобраться. Но возле хаты были солдаты. Девушка меня остановила. Не ходи, говорит, у нас нет времени. Да и что ты гам узнаешь? Пошли.

Так и ушли. Однако оба были здорово встревожены. Ведь беда рядом прошла. Прошло очень много времени. Но, думается, что мы тогда поступили неправильно. А может, стрелял бендеровец? Кто его знает.

Из Львовской операции вспоминается ее начало. Была сильнейшая артподготовка, самолетов в небе было, что ворон, всяких марок (ПЕ-2, ИЛ-2, ТУ-4, ИЛ-4 и американские летающие крепости). Думалось, что после всего этого войска пойдут, как по проспекту. Пошли и встретили такое сопротивление, что уму непостижимо. Войска приложили огромнейшие усилия, чтобы освободить город Львов. Об этом много сказано в военной литературе. Трудно, очень трудно было и нашему полку. Но тогда я уже топал пехом в составе резервного батальона. И на одном случае, произошедшем в Львовской области, в июле 1944 года, остановлюсь.

Где-то дальше города Бийска или Нестерова дали нам небольшую передышку в лесу. Погода была теплая. Солдаты развели костры. Рядом была речка. Многие купались, ловили раков. В общем, у речки шумели, булькались сотни полторы солдат. Вдруг - смотрю - солдаты ринулись бегом к лесу. В чем дело? Многие смотрят в небо. Глянул - а к реке падает

наш ИЛ-2. Лопасти винта крутятся. А шума мотора нет. Самолет шлюхнулся возле речки на брюхо, и вращающийся винт тянул его по земле метров пятнадцать. Минуты через две открылся фонарь, из кабины на крыло вышел летчик. За ним появился и стрелок. Летчик сказал: «Слава Аллаху, вроде у своих». «У своих, у своих!» - кричали солдаты.

Вот на этом, пожалуй, и закончут свои воспоминания.

Воспоминания я написал по памяти, так как дневников не вел. Не прибегал к архивным материалам. Записал так, как видел, как чувствовал. Поэтому они далеки от оригинала и здорово уступают воспоминаниям Мансура Гизатуловича Абдулина «Страницы солдатского дневника» (см. «Комсомольская правда» за 28 апреля 1990 г., «Шел солдат»). Ведь Мансур Гизатулович, во-первых, был минометчиком, во-вторых, на войне был от звонка до звонка, а я только прикоснулся к войне, так как был на фронте один год.

Тем не менее они являются памятью погибшим и ныне живущим, хотя там мало упоминается фамилий.

О тех, кого нам удалось разыскать (41 чел.), были оформлены два фотоальбома, третий - вот эта работа, включающая «солдатские мемуары».

В своих воспоминаниях мало отразил героических поступков фронтовиков и получилось как бы одни отрицательные стороны, т.е. по пословице «Хорошее быстро забывается». Не забылось. Нет. Просто не хватило ума разумно изложить все. Безусловно, стоило бы написать подробнее о своем командире Бабенко К. С. (сейчас генерал-лейтенант), командире взвода Кулигине И. И.

Это были достойные, боевые, душевые люди на войне. Они были немного старше нас, но хорошие учителя.

А наш бессменный парторг Андреев Н.М.? Это чудо-человек, отличнейший наставник и командир, и бойцам. Отдельной книгой о таких людях надо писать.

В тексте как бы выпала из поля зрения солдатская дружба. Вроде бы ее и не было. Нет, напротив. У нас был многонациональный коллектив (русские, украинцы, татары, узбеки, казахи, евреи, белорусы, латыши, литовцы), сплоченный боевой выучкой, дружный как никогда. На этой почве в батарее за всю войну произошло лишь одно ЧП под Осовцами, да и то - вызванное обстоятельствами (потерей связи с полком и танкистами).

Дисциплина - основа выживаемости личного состава в боевой обстановке. Нельзя курить - терпи, не кури, Нельзя ходить - лежи, не двигайся. Главное - зарывайся глубже в землю. В общем, ничем и нигде не выдавай себя.

В связи с этим вспомнился случай. Нас вжал в землю артобстрел. В мою «нору» прилетел снаряд и не взорвался, но выгнал из «норы». Я по траншею рванулся с телефоном в овраг. А там четверо молодых солдат ре-

шили развести костер. Несмотря на наши просьбы и требования все-таки подожгли траву и сучья. Немцы по дымку дали пристрелку и с третьей мины всех четырех поразили. Вот факт недисциплинированности, которая привела к гибели четырех юношей. Может, кто-то из них был ранен. Это было рядом, и я видел отчетливо, что упали все четверо. Чудом уцелел и я. Вновь вернулся в свою «нору» с торчащим снарядом.

3-я батарея отличалась высокой дисциплиной, первой открыла в полку счет сбитых самолетов врага.

Безусловно, о батареях можно было бы написать куда больше, но так сложилась моя судьба, что мне пришлось не раз и не два выполнять непосредственные поручения штаба. А это иногда отрывало от личного состава батареи на большой срок. К тому же я был в июле 1944 года послан в училище.

Мы были молоды. Армию любили до боли в сердце. И о тех давних временах я храню до сих пор военную форму той поры.

Очень желал бы, чтобы так любили армию и современные молодые люди. Это зависит не только от них, но и от родителей. Когда меня мать провожала на фронт, даже не плакала и сказала: «Валюшка, рада за тебя, что годен в люди. А буду молить бога, чтоб ты вернулся домой.» Плакала потом и молилась. А я вернулся. Мы служили в армии по 7-8 лет. Но нам не слали посылок и переводов. И никто из нас с голода не умер. Излишняя любовь к своим чадам никогдаенного успеха не приносит. А хороший солдат из всех ситуаций выход найдет сам.

Залпы «Катюш»

Среди солдат ходили разные слухи о каком-то оружии, именуемом «катюши». Стреляют-де они термитными снарядами, после которых горит земля. Но оружие это, мол, сверхсекретное, и мало кто его видел, и т. д. и т. п.

Числа 18-19 сентября 1943 года части нашего корпуса, в т.ч. и наш полк, вышли к реке Днепр. Третья батарея заняла огневую позицию у уреза реки, вернее у кручи, ниже села Григоровка. Хорошо была видна ветряная мельница на окраине села, а на высоте- немецкий самолет «Хеншель-126», по-нашему «костыль». Напротив был лесной массив, который обстреливала дальнобойная артиллерия, а по ночам бомбила легкая авиация. Слева к селу войска армии заняли плацдарм, именуемый Букринским. Там шли горячие бои. Иногда доносилось до нас русское «ура!» Лес, что напротив, видимо, служил прикрытием врагу для накопления резервов, потому все время и обстреливался.

И в один из дней сзади нас раздались какие-то визжащие звуки, напоминающие рев лося. Над головами зашелестели снаряды, а в лесу загрохо-

тали частые разрывы. Скородумов П. Ф. внимательно смотрел в небо. Но самолетов не было в это время.

- Что так рассматриваешь? - спрашивала его.

- Да ведь только что «катюша» била. Может еще дадут залп. Снаряды будут видны. Вот и смотрю.

Но залпа не последовало.

Появилось огромное желание посмотреть хотя бы место, где стояла «катюша». Такая возможность представилась. Послали меня получать продукты. Сержант Осипов где-то даже лошадь достал. И мы с ним поехали. Километрах в двух-трех от батареи увидели лоскут выжженной травы. Осипов сказал:

- Смотри, вот откуда «катюша» била.

Ну била, так била, а земля все-таки обгорела, но не сгорела. На этом наш интерес и кончился. Ну да будет время, может и сами «катюшу» увидим. Быть бы живым. На днях такая бомбежка была, упаси бог. Сколько всего погибло - и людей, и лошадей, и техники.

Увидеть «катюшу» удалось уже на правом берегу. Была сильнейшая артподготовка перед наступлением по расширению плацдарма. Батарея тогда стояла в 800-1000 метров от передовой, были хорошо видны разрывы снарядов, столбы огня и пыли. И вдруг невдалеке от окопчика остановилась доселе невиданная мною машина с какими-то рельсами над кабиной. Выскочил человек (звания не помню) и обратился ко мне:

- Браток, помоги-ка нам.

- А что делать? - спрашивала.

- Да заряжать «катюшу», наряжать нашу красавицу.

Рядом лежали ящики со снарядами. И когда их вывалили, командир говорит:

- Бери вот так, ставь на попа.

Я взял снаряд (а он не легонький), поставил. Тот достал из сумки боеголовку и ввинтил в снаряд.

- А теперь цепляй вот так, - и двинул другой снаряд на рельс.

На рельс снаряды шли по два (один внизу, второй сверху). Соединил выступы на снаряде с бороздкой на рельсе, толкнул его вперед, он отходит назад и упирается в упор. И всё. Сделали всё быстро.

- Ну, а теперь отойди подальше и не подходи, пока не скажу.

Я отбежал метров на пятьдесят. Он сел в кабину, и - началось. Рев, дым, пламя. Снаряды, как головешки, снимались с рельс и с пламенем в хвосте летели на противника. Залп кончился быстро. И машина тут же скрылась в ближайшем лесу.

Вот и насмотрелся наяву. А самого еще тряслось от волнения. Там же, на плацдарме, еще была почти такая же встреча. Правда, без моей помощи. Но все это происходило рядом.

Под Брусиловом, невдалеке от батареи, производили залп уже три ус-

тановки одновременно. Залпы-то смотреть удовольствие, а вот после них - хоть плачь. «Катюши» быстренько исчезали, а местность вокруг, где они только что были, тщательно обрабатывалась артогнем противника. Так что радости в таком соседстве было мало.

Уже под Фастовом, когда Слабинок П. А. давал данные для огня эрэсам, а я находился рядом, воочию видел, как плывут снаряды в воздухе. Плавно, с шелестом. Разрывы от них очень сильны, с разбросом огненных осколков.

Пришлось видеть на огневой позиции другие реактивные установки - «андрюши», их залпы. Случилось это при следующих обстоятельствах.

Дали мне задание отнести пакетик какому-то пехотному начальнику, очень маленького ранга. Побежал я по полю, по указанному маршруту. А на пути показались какие-то кучи ящиков, стоящих на земле под углом, градусов под сорок пять. Вдруг окрик:

- Стой! Назад!

- Куда назад, - говорю солдату-часовому, - у меня задание, его надо выполнить.

- Назад, говорю! - орет часовой. - Стрелять буду! Чхать мне на твое задание. Назад!

Что ж, надо подчиняться. Заметил, что кучки не кучки, а целый огород из ящиков кончаются невдалеке. Развернулся и рванул.

Пока пробежал туда да обратно - удалось кое-что рассмотреть. Ящики лежали на металлических рамках по семь штук. Между рейками видны были снаряды.

Когда вернулся, поделился виденным со Скородумовым. Он сказал, что это «андрюши». Вот будет артиллерию, они и дадут залп сразу семью снарядами. А звук, мол, такой - как мычит осел.

Вскоре началась артиллерию. «Андрюши» показали свою мощь.

Было это в декабре 1943 года под Житомиром.

НА ДНЕПРЕ

Вспоминается и особо запало в память, когда наша 2-ая батарея (ком. Мельников) вышла в сентябре 1943 года к Днепру. Путь пролегал по лесистой местности, как потом выяснилось, в районе действий партизанского отряда им. Чапаева. Батарея обогнала передовой отряд корпуса и вышла к Днепру 20.09.43. года вечером. Наших войск там еще не было. Наступили сумерки. Быстро окопались, выставили усиленную охрану. Можно всякого ожидать. Вдруг часовой останавливает группу людей в гражданском с немецкими автоматами. Группа людей представилась партизанами. С ними вел разговор комбат. Они доложили, что на той стороне реки сел немецкий самолет «Хеншель». Комбат решил дать залп по самолету. Но командир группы партизан стал его отговаривать,

чтобы мы не стреляли, т. к. себя обнаружим, а в лесу слева вплоть до г. Канева на этом берегу еще полно немцев. Партизаны заверили, что с самолетом справятся сами. Огонь мы не открыли, а партизаны ушли к реке. У меня почему-то закралась мысль, что это вовсе не партизаны, а немцы.

Утром осмотрелись, стояли мы на поляне, рядом Днепр. На берегу стены окопы и землянка. Видимо здесь была наша оборона в 1941 г. Напротив нас, на том берегу была открытая местность, слева - лес, справа - деревня Григоровка. Прямо стояла ветряная мельница, а недалеко тот самый «Хеншель».

К вечеру стали прибывать наши части. А 22.09.43 г. немцы начали бомбить наши части. Бомбили жестоко и долго. У нас погибли комбат, один командир взвода и ранило сапинструктора Катю. В тот же день вечером началось форсирование Днепра. Мотоцехота направилась к берегу, заняла небольшой плацдарм, который потом получил наименование Букирский. И еще. Стояли мы где-то возле села, то ли городок, то ли

ие в Винницкой области. В один из дней на батарею пошли немецкие танки. Мы открыли огонь. В горячке не заметили, что нас стали окружать. Выстрелом танк подбил одно орудие. Чтобы не попасть в полное окружение комбат Чернов дал команду: «Отбой поход».

Только подготовились к маршу, как снаряд из танка попал прямо в кузов машины и ее разворотил. Потом наши танкисты восстановили положение. Мы вернулись на свою позицию и похоронили погибших.

И еще. У города Фастова шли тоже жестокие бои. Там отличились три наших связиста. Среди солдат прошел слух, что двоих представили к Георгию. Один из них был ранен, и, как я слышал, отправлен в эвакогоспиталь.

В составе полка участвовал в боях и за Берлин, и за Прагу. Ох... Много пришлось повидать. А войну полк закончил 11 мая 1945 года, после взятия корпусом г. Мельник на границе с Австрией.

(Записал В. Лукичев.
1990 год. Гор. Ленинград)

И. И. ПОПОВ
(1925 г. р., уроженец дер. Малая Поповка Тотемского района)

ДОЛГАЯ СЛУЖБА

Моя служба в армии, как и у большинства родившихся в 1925 году, растянулась на семь с лишним лет. Призвали 5 января 1943 года во время зимних школьных каникул (правда, аттестат об окончании средней школы потом выдали родителям). Возвратился я на родину в апреле 1950 года. Об отдельных эпизодах учебы в Архангельском военно-пулеметном училище и службы в 286 гвардейском зенитно-артиллерийском полку рассказывается в этих заметках.

Товарищ Долгушин

Первые несколько дней в Архангельском военно-пулеметном училище занятий в полном смысле слова не было. Нас считали в «карантине». Но требовали выполнения распорядка дня, показывали, как заправлять постель на нарах, чтобы всё было «по ниточке», как накручивать портняшки, обмотки, где и каким образом складывать обмуздирование после отбоя, приучали убирать пометение, мыть полы, тошить печи дровами и т.д.

Дневательные, вчерашние десятиклассники, быстро привыкли кричать на всю казарму:

- Заправить пинселя!

Правила русского языка не признавались. Подавать команды учили старослужащие - старшина и помощники командиров взводов.

В один из этих дней меня дернуло за язык обратиться к дежурившему в казарме командиру взвода. И он, и я оказались у стола, на котором стояли станковые пулеметы «максим». Я спросил:

- Товарищ Долгушин, скажите, пожалуйста, как перевозят пулемет?

В кинофильмах о гражданской войне видел не раз пулеметные тачанки. Даже несия есть. А в училище что-то не видно было ни тачанок, ни лопадей.

Долгушин внимательно посмотрел на меня и очень четко объяснил, что на марше станковый пулемет «максим» несут бойцы: один - станок, второй - тело, третий - щит, четвертый - коробки с пулеметными лентами...

Вот так раз! Перспектива носить на себе массивный пулемет не радовала. В военкомате предлагали на выбор пехотное училище или пулеметное. Тогда не подумал, что тяжелее - винтовка или пулемет. Теперь пожалел об этом.

Долгушин сразу после нашего краткого разговора ушел в ротную канцелярию. Я, пожалуй, поделился бы с ним кое-какими сомнениями и предложениями. Но не успел.

А вскоре дневальный объявил, что с нами будет беседовать командир роты. Расселись тут же в казарме на скамейках у нар и у стены. Проход оставили для командира роты.

Речь у лейтенанта Аненкова была спокойной, неторопливой, как и он сам. Комроты напомнил, кем мы стали, кем будем, к чему должны готовить себя. Часто употреблял слово «паниши», что означало «понимаешь».

- Вы теперь, паниши, курсанты военного училища, будущие офицеры. Поэтому нужно обращаться к командирам по воинскому званию: товарищ лейтенант, товарищ сержант. Один из вас (фамилию мою он не назвал, потому что ни Аничков, ни Долгушин моей фамилии не знали) в разговоре с командиром взвода назвал его «товарищ Долгушин». Запомните: с сегодняшнего дня он для вас - товарищ лейтенант. А фамилию, паниши, можно и забыть...

Увы, с тех пор не забывается.

Вот так я дал повод для первой беседы командира роты с курсантами.

Ложка

Однажды в столовой училища прозвучала команда:

- Ложки оставить на столах!

Поднялся шум. Дежурный - один из помкомвзводов закричал:

- Отставить разговоры! Вста-а-ать!

Прошел по всем столам, пересчитал ложки и скомандовал:

- Выходи строиться! Быстро!

У каждого курсанта была своя ложка, привезенная из дома, носил он ее в кармане брюк, привязанной к брючному ремню. Кому-то пришла в голову мысль собрать ложки и передать в столовую. Цель заключалась в том, чтобы карманы курсантов не надувались от разной поклажи, в т. ч. и от ложек.

Между прочим, за нашими карманами следили командиры всех рангов. Видимо, это - армейская традиция. Старшина роты чуть ли не на каждом построении угрожал: «Зашью карманы!» Правда, никому не зашил, но досмотры устраивал.

Эта борьба в послевоенное время увенчалась большой победой: солдатские гимнастерки стали шить без нагрудных карманов, для хранения комсомольских билетов порекомендовали самим солдатам пришивать тряпичный карман с внутренней стороны гимнастерки. С той поры и стали отливать членов ВЛКСМ по грубым стежкам ниток на груди. Осталось тайной, почему все-таки сохранились карманы в солдатских брюках.

Так вот, во время обеда в тот же день выдали уже общественные ложки. По этому случаю в столовой находилась группа офицеров в сопровождении дежурного с красной повязкой на рукаве. Курсанты пристально разглядывали доставшиеся ложки. У одного оказалась погнутая, у другого - поистерта, потерявшая свою первоначальную форму, у третьего - с укороченной ручкой. Посматривали по сторонам в надежде увидеть бывшую свою, всем казалось, что она была лучше, красивее.

Но как только началась дежека хлеба, о ложках забыли. На стол подавали целые буханки. Разрезали их сами курсанты, без взвешивания. Естественно, были небольшие различия в размере кусков. Чтобы никто не обижался, поступали следующим образом. Один курсант отворачивался в сторону, а второй его спрашивал: «Кому?» Первый называл любую фамилию из сидящих. Этот человек и брал пайку хлеба, на которую указал спрашивающий. Так же разыгрывались и всё остальное.

Ужин начался не так гладко как обед. Наша рота получала ложки последней. Несколько ложек недодали. Куда они пропали, никто не знал. Несчастливым курсантам посоветовали подождать свою очередь.

Вечером в казарме земляк Рафаил Вечеславов неожиданно обрадовал:

- Ко мне собирается приехать отец. Напишу, чтобы привез несколько ложек.

Он приехал и ложки привез.

Общественные ложки таяли с каждым днем. Кто-то приказал делить их поровну между ротами. Но все понимали, что это не решает проблемы. Ложек оставалось все меньше и меньше. Служба училища, кормившая и одевавшая нас, делала вид, что эта заваруха ее не касается. Дошло и до сознания командования, что в военное время проблема ложек даже ему не по карману. Было сказано:

- Раздать курсантам что осталось...

Обделенных утешали легким упреком:

- Какими вы будете офицерами, если ложку себе не найдете! Ложки снова стали носить в карманах, привязали сыромятными шнурками к брючным ремням.

Верно кем-то сказано: «Дорога и ложка в смутное время».

Как меня учил генерал

Летний лагерь Архангельского военно-пулеметного училища в Черном Яру. Длинные ряды палаток. Крутом хвойный лес. Живем как партизаны, вдали от населенных пунктов.

- Дежурный, на линейку! - кричит дневальный.

Бегу. Вижу, что к расположению роты приближается, судя по шинели с красной окантовкой, генерал. Понимаю, что это начальник училища Фишман, хотя вижу его впервые. Посторонний генерал тут не появился бы без сопровождающих. Иходить в шинели по лагерю в июне мог только начальник училища. Другим это не позволялось, несмотря на то, что все мерзли от пронизывающего ветра даже в солнечную погоду. Ночью на нарах спали с соседом спинка к спинке, укрываясь четырьмя простынями и двумя одеялами. Не прочь бы прикрыться еще и шинелями, но их положено было держать в скатках.

Как дежурный, я в этот момент был самым главным в роте. И поэтому должен отдать рапорт генералу. Расправляю гимнастерку под брезентовым ремнем, подтягиваюсь и строевым шагом иду на сближение. Генерал останавливается, ждет, чем я его удивлю. Четко приставляю ногу, прикладываю руку к пилотке, докладываю:

- Товарищ генерал! Четырнадцатая рота находится на занятиях! Дежурный по роте курсант Попов!

Делаю шаг в сторону с поворотом, уступаю дорогу генералу. Но он не проявляет желания идти дальше.

- Отставить, - говорит спокойно.

Это значит, что он не принимает мой рапорт, я допустил в чем-то ошибку. Поворачиваюсь, отбегаю подальше и повторяю все сначала.

Опять генерал стоит как вкопанный.

- Отставить! - в голосе уже нотка недовольства.

Побежал на третий заход. Соображаю, в чем трешу. Но никаких дефектов не улавливаю. Потому решаю выполнить все в том же порядке. На этот раз генерал окончательно понял, что я его не обрадую. После слов: «Товарищ генерал! Четырнадцатая рота...», он прервал меня:

- Приставлять надо левую ногу.

И пошел по линейке вперед. Я едва успел шагнуть в сторону. Затем, уже не спеша, в генеральском темпе, сопроводил начальника училища до границы с соседней ротой.

Остался вопрос: «Кто из нас прав?»

Первая ночь на фронте

В сборнике стихов А. К. Толстого, попавшем мне на глаза в 1988 году, прочитал такие строки:

*Ужель я вижу не во сне,
Как звезды блещут в вышине,
Как конь ступает осторожно.*

Вспомнилась осенняя ночь 1943 года, первая фронтовая ночь курсантов военных училищ из Архангельска и Суздаля, прибывших в 286 гвардейский зенитно-артиллерийский полк.

Училище так и не дали закончить, фронту нужно было пополнение после Орловско-Курской битвы. В первых числах сентября мы стали гвардии рядовыми. Курсантские погоны сняли еще в Архангельске, перед отъездом.

17 сентября в первой половине дня зенитчики после марша прибыли на передовую. Узнали мы ее по звуку станкового пулемета.

Откинув брезенты, которые в какой-то мере ограждали нас в кузовах машин от клубящейся дорожной пыли, увидели утопающее в садах большое село. К западу от него пикируют самолеты противника. Жарко, как летом.

Четвертая батарея заняла позицию справа от села. Командир отделения управления Слесаренко отправил нас с Виталием Рахмановым, свободных от дежурства телефонистов, на батарейную кухню в распоряжение повара Шуклина. Обязанностей у нас было немного. Сходили на колодец, принесли воды, почистили картошку. И все.

Старались не упускать из поля зрения ту сторону горизонта, откуда доносились звуки войны. Сердце билось чаще, чем обычно. Тревожно на душе. Сколько неизвестного впереди!

К вечеру все стихло. Ни одного выстрела. Спать расположились под открытым небом, на прогретой солнцем земле. Сняли с автомашины брезент, расстелили его. На одну половину улеглись всем отделением, другой половиной укрылись вместо одеяла. Поскольку мне выпало ночное дежурство у телефона, занял место с краю, рядом поставил аппарат. А трубку повесил на голову, чтобы своим телефоном она была все время около уха. На трубке для этого была сделана петля из бинта, стоило ее только подрегулировать по размеру головы. Спать мне, конечно, было нельзя, телефонная связь на фронте работала постоянно, без всяких «зуммеров», звонков. Но грех все-таки случился. Сейчас можно признаться: я уснул. Проснулся от громкого крика часового: «Стой! Кто идет?» Зашевелились и лежащие рядом, высунули головы из-под брезента. В ночной тьме ничего не видно, только силуэт часового с карабином наизготовку. Полная тишина.

Потом еле уловимый шорох, что-то глухо стукнуло о землю.

- Стой! Стрелять буду! - снова закричал часовой.

И опять ни звука из темноты.

От сна не осталось и следа. Не было никакого сомнения, что кто-то крадется с недоброй целью. Все замерли, ждем, что будет дальше. Вылезать из-под брезента или тихо лежать? Трудно на что-то решиться, когда никого и ничего не видишь.

И тут часовой выругался:

- Тыфу, черт! Лошадь...

Не сразу все головы исчезли под брезентом. Вглядывались в темноту, старались уловить хруст травы, хотелось получше убедиться в том, что действительно около нас бродит лошадь, щиплет траву и нет ей никакого дела до того, что идет война.

Перед обедом

На этот раз позиция батареи нам очень нравилась. Привлекательна она была тем, что все четыре расчета со своими орудиями окопались в поле среди подсолнухов. А в центре образовавшегося квадрата вырыли свою щель телефонисты.

Поскольку свободные от дежурства товарищи по отделению управления не торчали на огневой позиции, а находилась там, где был тыл батареи (автомашины, кухня), наша щель была небольшая.

Радовалася и сухая, солнечная погода.

Дежурный телефонист сидел на бруствере, рядом с ним - телефонный аппарат и немудреное солдатское имущество в виде вещмешка с котелком.

С кухни поступила команда идти за пищей. Не помню, что было на обед: суп или каша. Бывало по-всякому. Когда время позволяло, варили суп. А если нужно было по быстрому, то предпочтение отдавалось каше с салом или с колбасой. Мой напарник по котелку Виталий Рахманов сходил на кухню, принес наполненный котелок и сухари. Все это тоже разложили около щели, нашли что-то подложить под сухари. Собрались обедать.

В это время и раздалась команда «Воздух». Орудийные расчеты заняли свои места.

Немецкие самолеты кружили впереди уже не в первый раз. Постреливали. Что-то привлекало их внимание на противоположном склоне этого поля, скрытом от нас. Но огонь по ним батарея не открывала, так как было далековато. А тут одно звено пошло на широкий разворот и попало в зону досягаемости орудий.

Мы с Рахмановым спрыгнули в щель, доходившую до груди. Батарея открыла огонь. Один из самолетов отделился от группы и пошел в пике на батарею.

Ситуация не из приятных. Но почему-то в первый момент о последствиях не думалось. Заметил, как из брюха самолета вывалилась бомба и

быстро скрылась из вида. И тут стало жутковато, потому что самолет с ревом продолжал лететь прямо, казалось, на нас с Рахмановым. Присел в щели, уткнулся головой в земляную стенку, закрыл глаза: будь что будет.

Взрыв показался глухим. Наверно, потому, что грунт был песчаный, и бомба глубоко ушла в землю. Разорвалась в пяти-шести метрах от щели. Нас обсыпало землей.

Слышу, Виталий толкает меня рукой:

- Ты жив?

- Жив, - отвечаю.

Еще несколько секунд не поднимаемся, по-прежнему сидим в щели спиной друг к другу, прислушиваемся к шуму самолета. Он удаляется. Встаем, отряхиваемся. Прочищаем глаза и уши от песка. Глаза быстро привели в порядок. С ушами что-то не получалось. Оказалось, мое левое ухо, а у Виталия правое контузило.

Удивились идеальному порядку около щели. Исчезли телефонный аппарат, котелок с пищей, сухари и все остальное. Чисто, и землю, выброшенную из щели, разровняло. Потом нашли кое-что, но все пришло в неподобие. А сухарей ни одного не обнаружили (конечно, и было их немногого).

Пришлось снова идти на кухню. К счастью, она не пострадала. Обед все-таки состоялся.

На берегах Днепра

На третий день наступления – вечером 19 сентября – вышли к Днепру. Война войной, а северного человека, до той поры нигде не бывавшего, природа этих мест не оставляет равнодушным. До осени еще кажется далеко. Тепло и днем, и ночью. Солнце высоко над горизонтом. В лесу – ни одного желтого листа.

Свободно гуляем по берегу, умываемся днепровской водой. Никаких выстрелов. Не верится, что на том, правом, берегу, очень высоком – немцы. Там пока лишь горстка наших, где-то в береговых оврагах.

Встречаем партизан с красными ленточками на головных уборах. Говорят, что они помогли первым нашим бойцам найти лодки для переправы через реку.

Левый берег низменный, для противника мы как на ладони. А нам виден лишь склон правого берега. Что там, за деревней Григоровка, – загадка.

Наступил полдень, и война напомнила о себе самым беспощадным образом.

Батарея расставила орудия метрах в ста пятидесяти от берега, в мелком кустарнике. Сзади – лесной массив, где сосредоточивались подходившие части корпуса. Естественно, противник видел это.

Появилась первая партия немецких пикирующих бомбардировщиков

«Юнкерс-87». Они прошлись по лесу и его опушке. Взрывы бомб стали ориентиром для следующей, уже подходившей группы самолетов «Хейнкель-111», сбрасывавших груз с горизонтального полета. И дальше уже без перерыва пили все новые группы фашистских бомбардировщиков. В небе образовалась своеобразная вертушка: слева цепочка самолетов тянулась на восток, справа - уходила на запад. Земля дрожала от не стихавших разрывов бомб. В этом грохоте, вое и свисте трудно было уловить момент, чтобы поднять голову из щели и взглянуть на небо. А о том, чтобы вылезть оттуда, не могло быть и речи. Орудия уже не стреляли, в каждом расчете были убитые и раненые. Ранило двух комбатов (один сдавал батарею, другой принимал), командира взвода.

Совершенно безнаказанно, без всякого интервала большие группы стервятников продолжали бомбить береговую полосу до заката солнца. Пришлось провести в щели непрерывно, не вылезая ни на миг, наверное, шесть-восемь часов. Телефонная связь прервалась в самом начале бомбёжки, и невозможно было ее восстановить, так как буквально весь район дислокации полка засыпался беспрерывно осколочными и фугасными бомбами.

Позже нам рассказали, что ввиду быстрого наступления наших войск немцы не успели эвакуировать свои аэродромы из Приднепровья. Поэтому самолеты могли быстро возвращаться на аэродром, принимать груз бомб и снова вылетать на бомбёжку. Запасы бомб, видимо, позволяли вести беспрерывные вылеты.

На другой день с восходом солнца противник продолжил бомбардировку с не меньшей ожесточенностью. Снова до обеда не вылезали из щелей. Лишь во второй половине дня 20 сентября налеты прекратились.

В дальнейшем до конца войны мне не приходилось ни разу быть под бомбёжкой непрерывно столько времени, сколько сидел на Днепре.

Три недели было сравнительно тихо. Ночами наши войска переправлялись на правый берег. Враг изредка постреливал, но большой активности не проявлял.

К началу наступления перед деревней Григоровкой прямо у уреза воды в мелком ивняке, под обрывами крутого берега, вперемешку стояли танки, орудия, минометы, машины, замаскированные и под песок, и под зелень. Кто чей - не разберешься. Плотность была невероятная. Рядом со щелью телефонистов нашей батареи окопался танк какой-то бригады. Из-за недостатка места большинство орудий оставалось в походном положении.

12 октября сигналом к наступлению послужил залп реактивных минометов - «катюш». Сколько их было - точно не знаю. Судя по всему, их на левом берегу стояло несколько дивизионов.

Мы все задрали головы, когда облако из сотен реактивных снарядов пролетало над Днепром. Всего в течение двух-трех секунд видели его, когда скорость снарядов в верхней части траектории была минимальной. Но

это зрелище незабываемо. Словно большая стая птиц пересекла реку и вновь скрылась.

А на переднем крае обороны противника пронесся сплошной вал взрывов. Густой гул артподготовки повис над Днепром. Стреляли с обоих берегов. Впереди нас у высокого берегового обрыва смешно подпрыгивала при каждом выстреле гаубица с торчащим вверх стволиком. Расчет работал быстро, гаубица, казалось, реввилась во всеобщем грохоте войны.

Телефонисты

Они были телефонистами, обеспечивали связь командного пункта полка с подразделениями.

Линия связи обычно прокладывалась последовательно, начинают самой удаленной от штаба полка точки. Связист брал катушку с проводом и разматывал ее от своей до следующей батареи. А телефонисты этой батареи тянули провод к своему второму соседу и т. д. Такой принцип развертывания требовал минимума времени, так как одновременно к штабу полка двигались пять человек независимо друг от друга, каждый прокладывал линию на своем участке. Командный пункт получал связь сразу со всеми батареями и пулеметной ротой.

Последовательное соединение подразделений позволяло командиру полка говорить одновременно со всеми, что также давало большой выигрыш времени для оперативности действий.

Любое повреждение линии устранилось быстро, каждая группа телефонистов отвечала за содержание того участка связи, который она прокладывала.

Связь от батарей и пулеметной роты принимал взвод управления, он и устанавливал аппараты для командования полка, когда и где это было необходимо.

Наступление на Букринском плацдарме развить не удалось. Оборона противника была прорвана, а дальше движение застопорилось. В течение нескольких дней завязывались танковые бои, артиллерийские дуэли. Естественными укрытиями для артиллерии, танков, транспорта, служили овраги. Зенитные батареи, конечно, туда не поставишь. Только лишь взвод управления со своим хозяйством воспользовался таким укрытием.

В то время я был телефонистом четвертой батареи. Как-то под вечер прервалась связь с КП полка. Позиция нашей батареи в тот раз была ближайшей к нему и потому мы были ответственными за этот, последний участок связи. Телефонисты всех батарей кричали в грубку:

- Четвертая, давай связь! (Тогда называли позывной, но его не помню.)

Нужно было найти место обрыва и соединить концы порванного провода.

Двинулся по линии, скользя рукой по проводу. При пересечении дорог

провод подвешивался или закапывался в землю. На батареях шестов для подвески не было, поэтому, если не было деревьев, пользовались вторым способом. Мне встретилась лишь одна дорога. Расковырял землю, провел этот участок провода, снова засыпал. Побежал дальше.

Наконец, оказался у оврага. Внизу стояли штабные машины, тут же расположился взвод управления.

Но что такое? На склоне оврага провод уходил в землю. Если бы он был просто прикопан, то есть слегка углублен в землю и засыпан, то его можно было без особых усилий вытащить. Я приложил некоторое усилие, но не смог этого сделать. Проверил, не привязан ли кабель к чему-нибудь. Ничего не обнаружил. Провод явно уходил вглубь, хотя никаких видимых укрытий - ни землянки, ни щели не было.

Страшная догадка мелькнула в голове. Но верить ей ни за что не хотелось.

Опустился по склону оврага к группе управлений, сидевших у походного котла. Спросил:

- Где дежурные телефонисты?

Показали как раз то место, где провод скрывался в земле.

Не помню, какими словами сказал, что там никого нет. Они тоже почувствовали что-то неладное. Молча бросились за лопатами.

Наша помощь уже опоздала. Двое телефонистов погибли. Смерть настигла их в середине октября 1943 года у телефонного аппарата, во время несения своей обычной фронтовой службы. От разорвавшегося вблизи артиллерийского снаряда склон оврага прогнулся, большая глыба земли, нависшая над оврагом, оборвалась и обрушилась вниз, накрыв своей многотонной массой находившихся в укрытии ребят.

Накануне совершеннолетия

В украинском селе Осовцы наш полк был дважды. Первый раз - в ноябре, после освобождения Киева и Фастова. Но тогда пришлось уйти обратно.

Части корпуса после форсирования Днепра и наступления на Правобережье нуждались в пополнении материальными и людскими ресурсами. Многие из них были уже отведены с переднего края. Не только наступать, но и обороняться сил не было. А новые части на смену не подошли. Только поэтому четвертая батарея что-то около 20 ноября была поставлена для стрельбы по наземным целям на окраине Осовцов.

Выдвинулись на этот рубеж вечером, в темноте. Приказано было как следует окопаться. Но полностью выполнить это распоряжение не удалось, так как грунт оказался таким каменистым, что его впору взрывать, а не саперной лопатой копать. Да и времени уже не было. Вскоре услышали гул немецких танков. Они подошли к селу и остановились.

Надежда в основном была на мины, поставленные саперами впереди батареи. 37-миллиметровые зенитные пушки едва ли могли преградить путь танкам. Оыта противотанковой борьбы зенитчики не имели. Но все же одно орудие дало залп бронебойными снарядами. Тут же последовал ответный танковый выстрел. Наше орудие получило повреждения.

Стали ждать, что предпримет противник.

С рассветом близкое соседство с немецкими танками ничего хорошего не сулило. Командир батареи приказал вывести из зоны прицельного огня танков наши автомашины. Этот маневр был замечен противником. Шоферам пришлось ехать по единственной улице под непрерывным пулеметным огнем, но машины спасли. Загорелось несколько хат. Наши позиции выветились.

Глубокой ночью по разрешению командира полка все четыре орудия были отведены в конец другой улицы села, перпендикулярной к той, на выезде из которой батарея стояла. Толкали орудия вручную по полю.

А утром увидели, что немецких танков около села нет. Ночью они тоже ушли.

Не покидала какая-то смутная тревога. Наверное, потому, что кругом было очень тихо. К тому же мы, солдаты, ничего не знали об обстановке вокруг нас. В селе остался лишь наш полк да самоходная артиллерийская установка без экипажа, непригодная для стрельбы. Шутили, что наш командир полка майор Федюкин купил ее у командира отведенного в тыл самоходного артполка.

Вечером, в темноте, по команде сверху снялись и поехали обратно из Осовцов. Со всех сторон по горизонту полыхали пожары. Выскочили из котла через коридор, который не успел перекрыть наступающий противник.

Утром остановились около какого-то хутора. Командир батареи послал меня связным в штаб полка. В тесной прихожей хаты, где разместился штаб, не было места, где бы можно спокойно встать на обе ноги. Доложив о своем прибытии, забрался под стол и уснул.

Пронулся от топота ног. Полк снова снимался и уходил вглубь обороны. Помощник начальника штаба порекомендовал мне отправляться на свою батарею, которая, как он сказал, уже снялась с позиции и заняла место в колонне.

На улице двигалась длинная колонна отступающих. Примерно в полукилометре увидел автомашины с 37-миллиметровыми пушками. Решил, что это батарея нашего полка, бросился догонять. С трудом, но это удалось, так как колонна двигалась с частыми остановками, постоянно кто-то буксовал. На платформе последней пушки доехал до первого села. А там выяснилось, что это наш сосед - 287 гвардейский зенитно-артиллерийский полк 7 гвардейского танкового корпуса. Долго стоял на дороге, ждал конца колонны. Своих так и не дождался. Или раньше проскочили, или избрали другой маршрут.

В течение почти трех суток безуспешно искал свой полк. А он как сквозь землю провалился. Попался такой же как и я странник - ординарец командующего артиллерией корпуса полковника Зубчанинова, пожилой человек. Вдвоем стало повеселее. Много десятков километров исходили с ним в те дни. Карты у нас не было. Пользовались слухами: кто что скажет. Наконец, на третий день попался какой-то добрый человек, который сказал нам, где расположен штаб артиллерии корпуса. Мы, признаюсь, не поверили ему, потому что он назвал то самое село, откуда я начал поиск. Другого выбора у нас не было, и мы отправились по старым следам. И пришли действительно в штаб артиллерии. Там тоже обрадовали: зенитный полк в трехстах метрах отсюда.

Повезет так повезет - я сразу вышел на свою четвертую батарею.

Встретили меня как воскресшего из небытия:

- Мы считали, что ты пропал без вести, - сказал командир батареи.

Из рассказов моих товарищей я понял, что напрасно искал полк около переднего края обороны. Он в то время был очень далеко, где-то на шоссе Киев-Житомир, куда уехал в полном составе, захваченный потоком отступавших частей. Говорили, что и командир полка искал штаб артиллерии так же, как я, но лишь с той разницей, что ездил на автомашине, а я ходил пешком. А туда, где я нашел свою батарею, полк возвратился в этот же день чуть раньше меня.

За три дня разлуки понял, насколько дорога своя часть на фронте, без которой уже не мыслил себя. После возвращения почувствовал, что среди друзей и знакомых не так уж страшны все невзгоды фронтовой жизни. Как раз в эти дни исполнилось восемнадцать лет, наступало совершеннолетие.

Ну, а второй раз полк проехал по Осовцам без остановки во время стремительного наступления в Житомирско-Бердичевской операции.

Походная баня

Вроде бы нечего говорить о бане, когда рядом нет ни одного строения. Единственное жилище в любое время года - щель или палатка, несколько углубленная в землю. Летом, конечно, в любом месте вымыться можно, лишь бы вода была. А вот осенью и зимой - сложнее.

Но придумали же походную баню, хотя и с небольшой пропускной способностью - батареи на помывку требовался день. Без особого комфорта, но все по-настоящему, обстоятельно, надежно.

- Ну, старшина, устраивай завтра баню, - говорил командир батареи.

Это значило, что день предполагается без переездов, можно спокойно заняться бытовым обслуживанием.

Подготовка начиналась накануне.

Натягивалась брезентовая палатка, в центре которой устанавливалась железная бочка. Эта бочка заслуживала авторского свидетельства. К сожа-

лению, неизвестно, кто ее придумал. Обыкновенная двухлитровая бочка из-под горючего, тщательно выпаренная и вымытая, почти без нефтяного запаха, с вырубленным с одной стороны дном, с завинченной пробкой ставилась на кирпичную подкладку с таким расчетом, чтобы под ней образовалось нечто, подобное печке, пригодное для разведения костра. Внутрь наливали ведра два-три воды, а выше уровня воды вставляли деревянные распорки (палки), которые образовывали своеобразную решетку.

В другой бочке, установленной вне палатки, нагревалась вода для мытья. Под ней всегда бушевало сильное пламя.

Заранее заготовляли топливо, искали приличный водоем с чистой водой в достаточном количестве.

Старшина Лысков назначая ответственных на банные должности, устанавливал очередность помывки. Следил за тем, чтобы группа, запущенная в баню, расходовала горячую воду по установленной норме, чтобы все укладывались в отведенное время.

В бочке, которая стояла в палатке, беспрерывно кипела вода (ее периодически добавляли). На деревянную решетку загружали всё обмундирование вплоть до шинелей и пилоток или шапок. В горячем пару в течение какого-то времени, которое определял старшина, оно проходило санитарную обработку, чтобы различным паразитам не было житья на солдатском теле. Не знаю, как выкручивались те, кто ходил в полушибаках, которые нельзя запихивать в бочку-вошебойку.

Пока шла эта процедура, сбросившие с себя одежду, тут же в палатке мылись, получали новое белье, одевались и ждали, когда старшина разрешит снять брезент, закрывавший паровую бочку, и вытащить оттуда обмундирование. Тепло от костра под бочкой прилично нагревало воздух в палатке.

Вот так всегда. Правда, помню один случай, когда мылся в настоящей бане, под душем. Было это на железнодорожной станции, не очень пострадавшей от прокатившейся войны.

Сухари-десантники

Непролазная грязь на дорогах. Машины беспрерывно буксуют. То и дело вылезаем из кузова и толкаем: «Раз, два, взяли!» В конце концов всё это надоедает, в кузов не лезем, если «студебеккер» и сдвинулся с места, ждем, что в первой попавшейся яме он снова вхолостую закрутит все три пары своих колес. Идем тихонько пешком, выбирая место посуше, хотя ботинки уже похожи на бахилы. И снова - кто плечом, кто руками - спереди за бампер, по бокам кузова, за ручки дверок кабины толкаем и толкаем, раскачиваем многотонную машину. Из-под колес летит грязь, сзади кузова лучше не вставать, а то вмиг всего заляпает.

Ночью в таких условиях продвигаться почти невозможно. Надеемся на день.

В Проскурове выехали на шоссе. До чего мягко, ровно идет машина. Но блаженствуем недолго. На выезде из города движение застопорилось. Вдоль дороги справа вытянулась многокилометровая колонна брошенных немецких машин, орудий, повозок. Наши танки столкнули их с проезжей части, но все равно движемся в один ряд, особенно задерживает встречный транспорт, хотя его и немного. Вскоре съехали вновь на грунтовую дорогу и опять пошли за своей машиной, а кое-где и впереди ее.

На подъеме, из попавшегося на пути оврага, выполз ал дежурный танк. Он подцеплял внизу то по одной, то по две автомашины и тащил их наверх без нашей помощи. Приятно было почувствовать его силу, забравшись в кузов беспомощной автомашины.

И все-таки по какой-то причине полковая колонна остановилась, вроде горючее кончилось. Съехали с магистральной дороги и заглушили моторы. Рассредоточиваться было опасно, можно было окончательно утонуть в грязи и не выбраться. Так, вытянувшейся колонной и замерли в поле перед каким-то небольшим селом.

Беспокойным оказалось это время для старшины. Тыловой транспорт далеко отстал. С началом наступления служба продснабжения не появлялась в полку. Кухонные запасы иссякли, Василий Лысков знал, что через день-два у него не будет ни соли, ни хлеба, не из чего будет сварить даже жиidenъский суп. И он не скрывал этого. Повар на чем мог экономил.

В такую пору особенно часто возникали разговоры о разных кушаньях, которых удавалось отведать в славное прежнее время, о поварском мастерстве своих родных и знакомых и прочих вещах. Сытому человеку такие беседы показались бы смешными.

И вот в этой обстановке однажды появился над колонной необычный самолет, не похожий на примелькавшиеся военные истребители и бомбардировщики. Летел очень низко, не слышалось в его гуле моши мотора. А сбоку фюзеляжа - дверь, причем открытая.

Самолет сделал круг и, проходя над нами, сбросил один за другим три мешка. Мы отчетливо видели, как человек выталкивал их из двери. Самолет сделал еще четыре или пять заходов и каждый раз «бомбил» нас мешками. Наконец, человек в самолете помахал руками - дескать, он закончил свое дело, и закрыл дверь. «Дуглас» - так назывался самолет - улетел. В мешках, которых оказалось полтора десятка, были ржаные сухари. Голод больше не угрожал.

Весной почва просыхает быстро. Снабженцы догнали полк. Привезли горючее и продовольствие. Колонна двинулась в путь. Повеселели старшина и повар.

Сувенир

Новый командующий артиллерией корпуса то ли в шутку, то ли всерьез сказал как-то командиру полка:

- Самолеты сбиваешь, а хоть бы один парашют прислал в штаб артиллерию...

Это замечание задело самолюбие майора Федюкина, и он не замедлил дать соответствующий наказ командирам батарей и пулеметной роты.

Но не так-то легко захватить столь престижный для зенитчиков парашют. Если вражеский самолет врезался в землю вместе с летчиками, бесполезно бежать к столбу дыма и огня. Иногда к тому же фашист падал за линией фронта.

Всеобщая охота за парашютом породила немало шуток и анекдотов. Острословы рекомендовали, например, потренироваться на досуге в стрельбе по комарам...

Проходил месяц за месяцем. Надежды таяли подобно весеннему снегу. Но, как это часто бывает, однажды судьба распорядилась очень разумно, предоставив зенитчикам возможность укрепить свой авторитет перед командующим.

После завершения Львовско-Перемышльской операции 6 гвардейский танковый корпус форсировал Вислу в районе Баранува и 2 августа 1944 года вышел в район Стопница. Здесь занял позиции и зенитно-артиллерийский полк.

Невдалеке от деревни начиналось огромное поле, уставленное желтыми суслонами сжатого хлеба. Оно уходило вдали чуть-чуть на подъем и потому просматривалось очень далеко. Над этим полем и появился маленький фашистский самолет-разведчик «Хеншель-126». Эта тихоходная монотонно тарахтящая машина как будто зависла в воздухе. Первой открыла огонь четвертая батарея гвардии старшего лейтенанта Кострова Б. Н. Вернее, одно орудие этой батареи. Да и оно выпустило всего две-три короткие очереди.

Самолет не спеша развернулся в обратную сторону и как будто пошел на посадку. Никаких внешних признаков попадания в него снаряда не было видно: ни дыма, ни пламени. Казалось, он полностью подчиняется летчику. И тут вдруг от самолета отделилась черная точка, вспыхнул белый купол парашюта.

Никто больше не стрелял. Несколько секунд все смотрели как завороженные на неторопливое падение самолета и парение парашютиста. Затем без всякой команды орудийный расчет, похватав автоматы, бросился бежать к месту предполагаемого приземления летчика. Расстояние было порядочное. Выбросившийся из низко летевшего самолета парашютист оказался на земле быстрее, чем подбежали туда артиллеристы. Сдаваться он не собирался, пытался отстреливаться из пистолета. К счастью, никто не

пострадал. Фрица пришлось взять силой. Ну, и парашют, конечно, подобрали.

Вот так зенитчики четвертой батареи добыли сувенир для командующего артиллерией корпуса полковника Лебедевича.

Сбитый быстро и аккуратно самолет зачислили на счет орудийного расчета, первым номером которого был гвардии сержант Юрий Погорелов.

Вспоминая об этом случае из боевой жизни, Юрий Игнатьевич Погорелов, работающий ныне заместителем проректора Харьковского политехнического института, добавил:

- «Хеншель» - не единственный самолет, появившийся в тот день. Несколько раньше с востока на бреющем полете пронеслись над нами два истребителя «Фокке-вульф-190». После «Хеншеля» над батареей заходила и тройка пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87». Мы стреляли по ним. Один подбили. Когда он пролетал над нами, из него вытекало топливо, моросящим дождиком спускалось на нас. Я поначалу испугался, думал - газы, но когда провел по лицу рукой, понюхал и успокоился. Самолет уже за Стопницей зацепился задним колесом за провода и свалился.

Два фашистских самолета, сбитых за один день, не менее замечательный сувенир, чем парашют.

В ловушке

25 января 1945 года - печальный день в истории полка.

Когда человеку угрожает опасность, он защищается даже тогда, когда видит превосходство противника. А в тот раз весь полк, собранный в одно место, оказался беспомощным, не смог дать отпор фашистской авиации, штурмовавшей колонну полка.

Кажется, ничто не предвещало трагедии. Наступление в Силезском промышленном районе развивалось быстро. Во второй половине дня полк в полном составе приближался к населенному пункту Линденхайн. Впереди шла штабная машина «шевроле», в кабине сидел начальник штаба майор Чекалин. Он был старшим в колонне.

Показался Линденхайн в дыму пожаров. Над ним кружили фашистские самолеты, кого-то обстреливали. Наша колонна замедлила ход, а затем и совсем остановилась, машина к машине вплотную. Впереди, прислонившись к стволу дерева, стоял летчик. Он-то и остановил нас:

- Куда едете? Видите, что там творится? - сказал он вылезшему из машины начальнику штаба.

Справа недалеко от дороги прямо на поле сидел самолет У-2.

По обеим сторонам превосходного шоссе росли молодые высокие тополя. Вверху кроны их соединились и закрыли небо. Полк оказался как бы в зеленом тоннеле. К тому же полотно дороги было несколько приподнято над окружающей местностью. Полковая колонна очень хорошо просмат-

ривалась сбоку, стволы деревьев, свободные снизу от сучьев, ничуть не скрывали ее.

Фашистские летчики, кружившие над Линденхайном, заметили скопление машин и орудий. Они уже делали разворот с левой стороны.

Что можно было предпринять в данной ситуации?

Вести огонь прямо с дороги полк не мог - не позволяли кроны деревьев. Ехать вперед по тополиной аллее? Или спустить на руках несколько орудий с полотна дороги? Время не позволяло или решительности не хватило - трудно сейчас судить. Но факт остается фактом: зенитный полк оказался беззащитным против авиации.

Около десятка самолетов выстроились друг за другом, первый пошел в пике...

Люди спрыгивали с машин, бежали искать укрытие, придорожной каваны, как таковой, не было. Склон дороги был довольно пологим и едва ли мог защитить от пулеметных очередей с воздуха. Впереди оказалась бетонная труба в полотне шоссе. В нее влезли человек десять. Остальные должны были распластаться на земле. Но тут кто-то заметил слева заросли небольшого кустарника, голого, без листвы, но обещающие хоть слегка прикрыть... Побежали туда один, второй, а затем и многие.

Самолеты между тем делали круг за кругом и поливали бегущих пулеметными очередями.

Впереди меня недалеко от автомашины лежал старшина Андреев.

Заметив, что я погладываю в сторону бегущих и вот-вот сорвусь с места, он крикнул:

- Лежи!

Это отрезвило меня. Так и пролежал с ним эти пятнадцать минут, поднимая голову в короткие перерывы между пулеметными очередями.

Фашистские летчики не оставили без внимания кустарник. Они вели огонь и по нему и по колонне. Кусты оказались плохим укрытием. Полк потерял 16 человек убитыми и 48 ранеными. Несколько автомашин было выведено из строя. Правда, их быстро восстановили, ни одна не загорелась.

Еще один горький урок преподнесла война.

Победная точка

- Смотри, Иван в валенках, - сказал кто-то.

Признаться, это всех удивило. Теплый апрельский день. Снега, как говорят, нет и в помине. И валенки...

Но Иван не только валенками поразил зенитно-пулеметную роту в тот раз.

В последние дни апреля 1945 года, когда завершалась Берлинская операция, фашистская авиация уже не способна была к массированным нале-

там. Лишь одиночные самолеты да небольшие группы появлялись изредка. И быстро исчезали.

Прозвучала команда «Воздух!» «Мессершмитт-109» на небольшой высоте приближался к поляне, на которой рассредоточился зенитно-артиллерийский полк.

До его появления день был тихий, без стрельбы. Командир бронетранспортера Аваньян и наводчик пулеметной установки Гугурутто куда-то отлучились. Третий боец расчета, разморенный солнцем, задремал не-вдалеке под сосной.

Увидев, что у пулеметов никого нет, Иван, сидевший на земле, рядом с бронетранспортером, бросил заряжать пулеметные ленты и прямо в валенках вскочил в турель пулеметной установки, включил флагок-тумблер электропривода, навел пулеметы на летящий самолет, нажал гашетки. Четыре непрерывные линии трассирующих пуль понеслись к «мессеру». Они соединили огненными дорожками бронетранспортер с самолетом.

Одна, две, три секунды... Кинжалный огонь не прекращается ни на одно мгновение.

Фашистский самолет явно нацелился на позицию пулеметной установки.

Напряжение охватило наблюдавших за этим поединком. Пули будто вьются вокруг самолета. Но и у Ивана, казалось, мало было шансов остаться живым: «мессер» тоже строчил из своих пулеметов.

- Ни страха, ни времени, пока стрелял, я не чувствовал, - признался он потом. - Только когда за уходящим самолетом показался дымный шлейф, я ощутил, что мои пулеметы перестали стрелять.

Подбежавшие к бронетранспортеру командир расчета и наводчик кричали:

- Молодец, Иван! Самолет загорелся!

Ну, а дальше были переживания другого рода.

Обычно командиры подразделений докладывали в штаб полка о сбитом самолете сразу же, не дожинаясь оформления акта, подписывавшегося свидетелями - представителями частей, находившихся на боевых позициях рядом с зенитным полком. В случае, о котором рассказано, вел огонь только один бронетранспортер. Другие средства полка по одиночному самолету огня не открывали. Тем не менее, звонка в штаб полка не последовало. И начштаба Матвеев возмутился:

- Что это пульрота не докладывает? Вызовите Коваля, - обратился он к телефонисту.

- Кто сбил самолет? Почему не сообщаешь? - сказал он в трубку.

Командир роты, видимо, подтвердил, что самолет сбит его подчиненными, но он устанавливает, кем именно.

Коваль, конечно, хитрил - он отлично знал, кто стрелял.

- Разбирайся и пши побыстрее акт, - закончил разговор начальник штаба.

А в пулеметной роте заминка произошла по той простой причине, что самолет сбил не тот человек, которому положено сбивать, Наводчик отлучился с боевого поста. Командира расчета тоже не оказалось на месте. Разве об этом скажешь командованию. Вместо благодарности получишь одни неприятности.

И всё-таки тайну сохранить не удалось. Скоро даже командир полка узнал, что фашистский самолет подбил механик-водитель бронетранспортера Иван Павлович Коротков.

Это был, кажется, последний самолет, сбитый 286 гвардейским зенитно-артиллерийским полком в Великой Отечественной войне.

А в валенках под Берлином Иван Павлович, конечно, не ходил. Надевал их редко, дело в том, что у него болели ноги – следствие фронтовых невзгод. На этот случай и возил с собой валенки.

Иван Павлович Коротков - коренной житель Пскова.

Последнее логово предателей

Когда поступило приказание садиться в машину, я еще не знал, куда и зачем мы едем. Лишь по дороге радиист Штаферун и начальник связи полка, сидевшие со мной в кузове, сказали, что на марше отстала одна из батарей, и мы едем ее искать.

При огромной плотности движения на дорогах, ведущих к Берлину, обогнать кого-то, вырваться вперед батареи из четырех машин с орудиями было почти невозможно. Видимо, отставшая батарея довольствовалась своим местом, доставшимся ей во всеобщей колонне и не пыталась «прорваться». Но у командира полка было предположение, что она попала на параллельное шоссе, которое тоже вело к городу.

Машина, в которой мы ехали - ее называли «додж три четверти», была, оборудована под полковую радиостанцию. Поэтому-то в ней и оказались начальник связи и радиист. В кабине рядом с шофером сидел с картой адъютант командира полка Муравьев.

Если представить графически наш маршрут, то он похож на перевернутую по вертикали букву П. Ехали сначала назад, затем переезжали на соседнее шоссе по соединительной дороге и там опять двигались в сторону Берлина, стараясь везде идти на обгон и не давая загнать себя в колонну. Это удалось. Юркая машина в умелых руках шофера довольно быстро промчала нас на приличное расстояние. Батарею мы не обнаружили, продолжать здесь поиски не было смысла, и лейтенант Муравьев принял решение возвращаться обратно.

Поскольку в руках у него была карта, он выбрал другой маршрут. Назад по известному нам пути не поехали, а направились пересечь межшоссейную местность по ближайшей, обозначенной на карте соединительной дороге.

Только свернули в деревне с шоссе, машину остановил человек в выцветшей военной гимнастерке без погона, с автоматом за спиной:

- Мы - партизаны. Не ладите ли нам оружия? - обратился он к Муравьеву.

«Партизаны под Берлином!» - неизвестно.

- Нет у нас оружия, - ответил Муравьев и дал сигнал шоферу.

Машина тут же рванулась. «Партизан» успел ухватиться за дверку, которая была на задней стенке закрытого кузова, но оборвался. Дверь оставалась открытой. Мы видели, каким взглядом он нас проводил.

Дорога оказалась пустынной - ни людей, ни машин, хотя это было самое настояще шоссе с твердым покрытием.

Вскоре послышался свист одиночных пуль, выпущенных из карабина или винтовки. Через открытую дверь кузова видно было линию убегавших назад шоссе. Мы ничего не могли понять.

Потом машина остановилась, мы выскочили из кузова. Впереди - разрушенный мост над полевой дорогой. И тут раздалась пулевая очередь. Впереди, справа от шоссе, за полевой дорогой увидели лежащего с ручным пулеметом человека в нашей военной форме, блеклой, давно отслужившей срок. Он лежал на возвышении не окошавшись и старательно целился в нашу группу.

Оглянувшись назад, увидели, что к нам мчится колонна наших мотоциклистов. У них на каждой машине - ручной пулемет. Неожиданная помощь выручила нас. Но стрелять они, естественно, не могли, пока мы торчим на дороге. Шофер быстро среагировал: загнал нас в машину и съехал с шоссе влево. Чтобы возвратиться в деревню, из которой мы выехали, надо было почему-то обязательно переехать на другую сторону от шоссе. Под прикрытием дорожного полотна Ничутин проехал до моста и под ним, а затем прямо под носом у пулеметчика помчался вправо, в поле. «Партизан» уже было не до нас. С ним завязали перестрелку мотоциклисты.

Поле, по которому ехали, закончилось болотом. Невдалеке виднелся лес. Деревня оставалась справа. Поверили и по краю наши возвратились на шоссе, по которому не сокращался поток, идущий к Берлину.

А позавтра стало известно, что наша встреча с «партизанами» была не случайной. Разведбат и подразделения других частей корпуса окружили и взяли в плен несколько тысяч власовцев, засевших в мелком лесу на болоте.

Как начиналось 9 мая

Девятое мая 1945 года начиналось еще без звания Дня Победы. И правда, пакагуне весь день в полку был офицер политотдела армии. На остановках во время марша он деловито обходил всю полковую колонну, ни с кем не заводил разговоров, как будто боялся разгласить военную тайну. Но все уже знали, что ожидается сообщение об окончании войны. Полковой ра-

дист в этот день часто настраивал радиостанцию на московскую волну. Наступил вечер, а ожидаемого известия не было. Радио передало лишь приказ Верховного главнокомандующего войскам 1 Украинского фронта по поводу взятия города Дрездена. На этом и закончилось восьмое мая.

Бесчисленные колонны танков, военных машин, артиллерии двигались круглые сутки к Праге. В этом беспрерывном марше случались и пробки. Уже в полной темноте застраивали при переезде через какую-то обширную долину. Воспользовавшись остановкой, сидевшие в кузове машины быстро заснули. Это не удивительно, так как всю неделю, со 2 мая, когда выехали из Берлина, жизнь шла «на колесах». Проснувшись от жуткой трескотни автоматных очередей. Со сна не сразу поняли, в чем дело. Но увидев, что очереди трассирующих пуль уходят вверх, сообразили, что это конец войны. Присоединились и мы к стихийному салюту в ночной тьме. В дисках не осталось ни одного патрона. Мысль была одна: больше они не потребуются.

Наступило 9 мая 1945 года.

Вот так начался первый праздник Победы, еще не объявленный Днем Победы. Это был торжественный день без официальных церемоний, с проявлениями радости и счастья, со щемящей болью по невосполнимым утратам.

О рассветом колонны двинулись в путь по чехословацкой территории. Нас поразило радушие и гостеприимство чехов. В первом же населенном пункте, встретившемся на пути, вдоль по обеим сторонам непрерывной цепочкой стояли празднично одетые люди, кричали «наздар», приветливо махали руками. В шуме приветствий, при всеобщем ликовании ехали до самой Праги. Вся республика вышла в это утро на магистрали, по которым двигались советские войска.

И еще одна примета этого дня. На шоссейных дорогах с самого утра встречались колонны немецких военных автомашин. Бровень с кабиной кузовы были загружены каким-то имуществом, а сверху густо, сидели солдаты. Очень уж быстро фашистская армия самораспустилась и бросилась бежать с чужой территории. Ведь после объявления капитуляции прошло всего несколько часов. Они спешили возвратиться в Германию, скрыться от стыда и позора. И, видимо, старались не заезжать в большие населенные пункты. Я не помню, чтоб хоть раз встретилась немецкая колонна в каком-нибудь городе.

Встреча со вчерашним врагом - не рядовое событие. Причем, встреча с побежденным врагом. На одной дороге встретились тысячи людей, ненавидевших и сегодня друг друга. Одни - вооруженные, другие - уже безоружные.

Мы наблюдали не раз, как в стороне от дороги немецкие солдаты без стеснения сбрасывали свои сине-зеленые мундиры и одевались в граждан-

скую одежду. Столь велико было желание уйти от прошлого, обрести нормальное человеческое лицо.

В середине дня полк прибыл в Прагу. Трудно передать словами, что представляла собой тогда столица Чехословакии. Праздник буквально выплынулся на улицы. Нашу остановившуюся колонну вмиг окружили жители города с бутербродами, вином, звали в квартиры умыться. По улицам шли трамваи, украшенные трехцветными чехословацкими флагами.

Переполох на плацу

Кадрированный зенитно-артиллерийский дивизион (так назывался в послевоенные годы наш полк) располагался в военном городке на окраине Виттенберга. Здесь же были расквартированы два кадрированных батальона танкистов и дивизион минометчиков. Жили зенитчики над столовой, на втором этаже, в одном зале уместились в два яруса все кровати.

Командир кадрированного танкового полка (бывшего корпуса) генерал Архипов В. С. иногда устраивал смотры частей. Собственно, это были не столько смотры, сколько встречи и беседы командования с личным составом. В ту пору огромная нагрузка ложилась на солдат и сержантов в содержании материальной части и в несении караульной службы. Почти всем через день приходилось ходить в наряд. Поэтому на строевую подготовку не нажимали.

На таких смотрах-встречах генерал обходил батальоны и дивизионы, выстроившиеся на плацу военного городка, предлагал высказывать жалобы и претензии. Поскольку в строю стояли участники войны 1925 года рождения, всех волновал вопрос: когда нас демобилизуют. А вообще-то жалоб и претензий почти не было. Жили мы дружно и искренно верили в мудрость Сталина. Архипов В. С. больше сам спрашивал, вызывал на беседу о том, о сем.

Начищенные, подтянутые, при всех орденах и медалях, стояли мы и ждали своей очереди, следя за движением генеральской свиты. Там был и наш командир дивизиона подполковник Жигулин А.Ф.

Вдруг он оставил свиту и быстро направился к нам. Видимо, что-то было упущено в подготовке дивизиона к смотру.

- Генерал недоволен танкистами. Они не знают, какой длины должна быть нитка в иголке, - проинформировал нас подполковник.

Речь шла об иголке с ниткой, которые каждый солдат обязан носить в своей пилотке или шапке.

Мы молчали. Никому не хотелось разочаровывать Жигулина. Кажется, он надеялся, что уж среди нас-то найдутся знатоки.

- Наверно, полметра, - кто-то робко подал голос.

- Мало. Надо метр, - включился второй.

Вместо ответа конкретного и ясного начались рассуждения.

- У меня, товарищ подполковник, метров десять накручено, в кармане ношу.

- А чем измерять? У нас линеек нет. Пусть старшина обеспечит измерительным инструментом. - повел кто-то совсем в сторону.

Жигулин А. Ф. внимательно слушал всех. Но поняв, что его «народ» хитрит, уходя от вопроса, сказал:

- Оказывается, длина нитки должна быть 80 сантиметров. Я, как и вы, тоже не знал этого секрета.

На мгновение «народ» примолк, уясняя истину и нащупывая ее слабые места. И снова посыпались различные суждения и сомнения.

- Почему именно 80 сантиметров?

- Никто разматывать и проверять не будет. Знай только, что 80 сантиметров и точка.

- Какого цвета нужны нитки? Нельзя же подворотничок подшивать нитками защитного цвета. Опять на замечание нарвешься.

- Если брать нитки двух цветов, то и иголок надо две.

- Ты еще наперсток привяжешь к пилотке...

- А как быть, если пришил пуговицу и израсходовал только 15-20 сантиметров? Куда девать оставшуюся нитку?

Возможно Александр Федорович Жигулин дал бы еще нам поговорить, но генерал уже посматривал в сторону нашего дивизиона. Поэтому он не громко скомандовал:

- Пришивать на все восемьдесят сантиметров!

А затем в полную силу голоса:

- Смирно! Равнение направо!

И пошел строевым шагом навстречу генералу.

ВАРИАНТ

...Из поэмы «О 286 гв. ЗАП»

В полку «очаг мой» и «семейный кров...
Вся жизнь моя, морской подобна глади,
Здесь и «отец родной» - комбат Костров
Держал нас в «черном теле», службы ради.

Как много значил он тогда для нас,
«Судьбы распорядитель», сдвинув брови, -
Нам был нередко в жизни, в трудный час
Прибежицем, средь моря бед и крови...

Он, как птенцов, летать нас обучил,
Чтоб нам не опалиться, встретив битву,
С учительской заботою вручил
Напутствие в сраженье, как молитву.

В ней долг сыновний с ясностью предстал
Перед Отчизной нашей и народом,
Перед землей родной... - Наш час настал
Пасмерть стоять под русским небосводом.

ПРИНИМАЕМ ОГОНЬ НА СЕБЯ (I-й Украинский фронт)

*Памяти героев-связистов
286 гвардейского зенартиполка*

Ноябрьская украинская ночь...
Нависло небо рваным одеялом,
Луна лохмотья туч согнать невмочь,
То выглянет, то спрячется устало,

¹² Рядовой Фоминский Владимир Иванович прибыл в 4-ю батарею 286 гв. ЗАП (командир батареи В. Н. Костров) в конце августа 1943 г. и был зачислен в Отделение управления.

То нежным мерцанием зальет
Дремотою объяющую окрестность
И спова в туч лохмотьях пропадет,
Все погрузив во мрак и неизвестность.
Вот снова поле, через речку мост,
Дорога, по краям ее деревья,
Вблизи кресты - разрушенный погост,
А на краю - притихшая деревня!

Все, что луна ни выхватит из тьмы, -
Вдруг окружит таинственным сияньем...
...В такую ночь гуляли б раньше мы,
Охвачены ее очарованием...

Возле дороги, к самому мосту
Блиндаж приткнулся, неизвестный глазу...
Их пынче было трос на посту -
Телефонисты и разведчик сразу

С заданием коротким: отмечать
По большаку врага передвиженье
И в штаб артиллерийский сообщать
Его у фронта сосредоточенье.

Разведчик - старший - он комсорг полка,
Телефонисты - лет по девятнадцать,
Липь в первый раз попали в гыл врага,
Но им пришлось не раз уже сражаться.

Один из них - товарищ старый мой
По пулеметным курсам - Остроумов,
Мы в сентябре приняли первый бой -
Сейчас ноябрь уж шествует угрюмо.

Мы на Днепре, фашистов разгромив,
Колоннами на запад устремились,
И, сотни километров проглотив,
Под Белой Церковью остановились.

Ушли все силы наши на рывок,
Пока пространство это танки рвали...
А в беспролазной капе, вдоль дорог
Немецкие дивизии застрияли.

Скоплением своих огромных сил
В «котле» они, отчаявшись, блуждали...
И вот их час под Фастовом пробил,
Где фронт прорвать они предполагали.

Мгновенно смяв колонны нашей тыл,
На ближний Фастов танки устремились,
И, так как фронт у Белой Церкви был,
В реальную угрозу превратились.

... Под Фастовом застрял на марше полк
Зенитных пушек, севший в грязь «лю уши».
Какой от этих «малопулек» толк,
Не окажись здесь грозные «катюши».

Вот с этой целью и поставлен пост
На опустевшей фастовской дороге...
Но что для танка эти десять верст
Совсем без обороны на пороге!

... - «Береза» (позвывные артиллерии),
От Василькова шум моторов слышен,
Задержит их движенье лишь река –
Там мост наполовину пами выржсан.

Вот показалась из-за туч луна
И даль дороги разом осветилась –
По ней вилась, отчетливо видна,
Колонна танков... К Фастову спешила.

- «Береза», вижу танки у моста,
Около сотни. Сосредоточенье.
Квадрат 16 пятого листа,
Идут поспешно в вашем направленьи.

Остановились... Спешно чинят мост,
Чью-то избу на бревна развалили...
Восточней километром - бейте в хвост,
Чтоб путь себе назад заородили.

- «Дуб», слышать, «Луб»... Спешите отходить –
Вторым «катюши» залпом вас накроем.
Вас понял. Будем за огнем следить...
... И огласился воздух диким воем.

Рвались снаряды, поражая цель, -
Всё утопнуло в сатанинском звоне
И огненая с всплесками метель
Забушевала всюду по колонне.

Как черепахи, неуклюже в грязь
С дороги танки в чернозем сползали
И, севши самым брюхом в непролазь,
Бесномощно буксую, застrevали.

И лишь в кювет горящие столкнув,
Мечась в огне, проход себе пробили...
Назад стволами башни повернув,
Из-под обстрела спешно выходили.

- «Береза», корректирую огонь,
Скопление у поста, южнее триста...
Прощайте, братцы... По врагу огонь!..
Не поминайте лихом... нас, связистов... .

- «Дуб», слышишь? «Дуб»! - Но «Дуб» уже молчал.
Снарядом весь блиндаж разворотило...
На поле пыхвал разрывов бушевал
И двадцать танков шамя охватило.

И осветило трепетную ночь...
Закрылось небо дыма покрывалом...
Луна сквозь дыма тучи мчалась прочь
Все также равнодушно и устало...

Комбат

Всегда был строг он. В нашей был судьбе
Распорядителем, порой жестоким...
Комбат Костров считался – «вещь в себе»,
Он, верно, и учителем был хлестким.

Но неплохой был, честно уж сказать!
Всё ж поначалу нас давила робость...
Но батарею чтоб в руках держать –
Нужна была «учительская строгость».

И это делал он вполне умно,
Со знанием дела, как «директор школы»,
Но близким нам он не был всё равно –
С Балакиным «гоняли мы фуగболы»...

Он в трудный час решенье находил
Единственное – то, что было «надо»,
Порой из вражьей пасти выводил,
Как от волков пастух уводит стадо...

Поздней я понял – именно таким
И должен быть в «страде» ком батареи:
В бою – быть строгим, может быть – сухим...
Заботой в час затишья всех согрея.

ВКЛАД ВЕТЕРАНОВ В ДЕЛО ПЕРЕСТРОЙКИ

Хотя вид у наших ветеранов далеко не строевой - здоровье не то - многие по силе возможности стараются вносить свой вклад на пользу перестройке, для улучшения жизни народа, для укрепления обороноспособности нашего Отечества.

Кавалер 3-х орденов, кандидат технических наук, доцент Харьковского политехнического института Погорелов Юрий Николаевич трудится в должности зам. профессора по научной работе, отдавая всего себя физическим наукам.

- Пока позволяет здоровье, буду работать, ибо в науке вся моя жизнь, - сказал на последней встрече в Фастове Юрий Игнатьевич.

Проводит Юрий Игнатьевич и большую военно-патриотическую работу, выступая перед студентами о военном лихолетье, о мужестве солдат и офицеров 286 Зенап.

Тотемский паренек И. Н. Попов после демобилизации в 1949 году закончил вечернюю среднюю школу и работал редактором районной газеты. Заочно закончил Вологодский педагогический институт. После окончания института был переведен на работу в Вологодский обком КПСС, где и трудился до выхода на пенсию.

Лауреат премии Совета Министров СССР 1986 года, кавалер орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «Отличник соцсоревнования СССР»,

Хребтов Владимир Александрович, сейчас на пенсии, но проводит большую общественную работу, являясь агитатором, председателем комиссии по контролю за исполнительностью дисциплины в строительстве, членом Совета ветеранов одного из строительных подразделений, выступает со своими воспоминаниями перед рабочими.

* * *

Вологжанин, бывший командир пулеметного расчёта, Ельцов Алексей Архипович после войны закончил институт и продолжает трудиться на ответственной должности в Промстройбанке Союза ССР.

* * *

Наши ветераны продолжают трудиться и в органах здравоохранения, достойным представителем которых является Савченко Юрий Николаевич. Он - доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой Омского медицинского института, имеет ряд научных работ, часто выступает перед молодежью о войне.

* * *

Бывший водитель БТР Коротков Иван Павлович продолжает работать столяром в одной из организаций гор. Пскова. Он – частый гость в школах и учреждениях этого города. Кроме того, он - председатель Совета ветеранов полка.

* * *

Бывший командир ЗПР – кандидат исторических наук Коваль Игорь Моисеевич (ныне покойный) работал в Башкирском государственном университете. Декан. Доцент.

* * *

Наводчик орудия Гусаров Юрий Васильевич. После окончания Архангельского лесотехнического института рабо-

тал в советских и партийных органах. Последняя его должность – зав. отделом промышленности. Уйдя на заслуженный отдых, ведет большую работу в различных комиссиях советских органов, а ныне является председателем Архангельского областного Совета ветеранов войны и труда. Он входит также в состав Совета ветеранов полка.

* * *

Бывший командир взвода Плавич Евгений Григорьевич защитил кандидатскую диссертацию и продолжает работать в одном из институтов города Москвы. Он выполняет работу по совместительству еще в одной организации. Ведет большую военно-патриотическую подготовку молодежи.

* * *

В институте литосферы АН СССР продолжают работать два наших однополчанина - Виталий Павлович Рахманов и Владимир Иванович Фоминский (вологжанин). Оба имеют научную степень кандидатов геолого-минералогических наук. Первый из них продолжает сбор материалов на соискание звания доктора геолого-минералогических наук.

* * *

Подполковник запаса Костров Владимир Николаевич, капитан Бояркин Иван Игнатьевич - частые гости в школах и учреждениях. Как педагоги, прошедшие дорогами войны, они делятся своим опытом по воспитанию подрастающего поколения.

* * *

Не блещет здоровье у майора в отставке Филиппа Леонидовича Левенталя. Плоховато со зрением. Но и он не сидит без дела. Летом полно забот по даче, зимой - путевки

в школы, воинские части, работа над письмами, он член Совета ветеранов полка. А сколько труда приложил Филипп Леонидович по оформлению альбомов ветеранов! Как шутят ветераны: «Он свел нас в одну семью». Он - частый гость в воинских частях, где выступает с беседами, лекциями перед солдатами. Его стараниям, трудоспособности и аккуратности стоит только позавидовать.

* * *

Бывший комбат-3, ныне генерал-лейтенант в отставке, Бабенко Константин Степанович является почётным членом Совета Ветеранов полка. Это его усилиями удалось установить связь с родным нам всем 286 гвардейским Зенитно - теперь уже - ракетным полком, дислоцированным в Германии. В настоящее время полк расположен в г. Ала-курты Мурманской области. Сейчас К. С. Бабенко живет в гор. Полтаве и является председателем Совета ветеранов Полтавской области. Его стараниями налаживается связь с ветеранами 286 ЗАП.

Ветераны пишут молодым воинам, они - нам. И не только пишут, а при возможности (полк стоит за границей) посещают его. В 1987 году полк посетил Владимир Погосович Серопьян.

Памятная это была встреча не только для Владимира Погосовича, но и молодых ребят, носящих на груди гвардейские значки.

* * *

Наводчик орудия Пахолков И. А. После войны поселился в гор. Ленинграде и трудился до выхода на пенсию в тресте «Ленинградстрой» по разным специальностям.

* * *

Связист, гвардии рядовой Луричев В. Ф. после демобилизации из СА в 1949 году, окончил курсы руководителей взрывных работ и с 1950 года до выхода на пенсию работал

в лесопромышленной кооперации, лесной промышленности и машиностроении (Севмашипредприятие г. Северодвинска).

* * *

Продолжают трудиться и вести общественную работу и другие ветераны полка.

Советом ветеранов полка установлены тесные связи с однополчанами 286 гв. ЗР полка. Своим молодым однополчанам переданы два фотоальбома ветеранов войны, ныне живущих и павших. Изготовлены стенды о боевом пути полка, установлены они в разных местах - Фастовском городском музее, историко-краеведческом музее с. Крупичполе Черниговской области, на родине Героя Советского Союза Слабинюка Петра Афанасьевича, музее «Героев Букринского плацдарма» в с. Балыко-Щучинск Кагарлыкского р-на Киевской области.

Как уже выше говорилось, ветераны полна посетили дважды город Фастов, в освобождение и оборону которого они внесли свой вклад.

В Фастовском горсовете и горкоме КПУ мы рассказали о боевом пути полка, о его награждении орденом Красной Звезды и присвоением наименования Переяславского. Руководители горсовета и горкома доложили ветеранам о достигнутых трудящимися района и города достижениях и о своих планах.

Мы посетили заводы «Красный Октябрь», рефрижераторный завод, завод газовой аппаратуры и выступили перед их коллективами. Рассказали, что сотни воинов полка были награждены орденами и медалями, а П. А. Слабинюку было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Мы указали местным властям место гибели Петра Афанасьевича и попросили установить там памятный знак.

Нашу просьбу обещали выполнить и, видимо, исполняют.

Об этом говорит тот факт, что когда ветераны полка пометили это место, там были установлены цветы.

Оказанное нам гостеприимство превзошло все ожидания. Нам был организован хороший отдых в гостинице, организовано питание, бесплатно выделялся транспорт.

Мы поклонились памяти павших товарищ, побывали на памятных местах боев.

Мы продолжаем розыск фронтовых друзей и стараемся сделать всё, что от нас зависит для увековечивания их подвига.

Ветеранами полка написано много газетных статей – воспоминаний о боях, продолжается работа по описанию боевого пути полка.

Мы не забываем и о том, что опыт и знания ветеранов войны имеют исключительно важное значение в военно-патриотическом и нравственном воспитании молодежи, подготовке юношей к военной службе, как это важно в наше тревожное время.

Ветераны полка вносят посильный вклад в перестройку, способствуют всеми силами успешному решению задачи по улучшению благосостояния нашего народа.

Ветераны полка в 1992 – 1993 годах посетили полк в гор. Алакурти и подарили молодым воинам настоящий сборник.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА:	2
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛКА	4
Герой Советского Союза Я. Т. ДИДОК	11
Ю. В. Гусаров	
«РАМА»... СБИТА	13
Ф. Л. Левенталь	
ПИСЬМО МОЛОДЫМ ОДНОПОЛЧАНАМ	15
В. Ф. Лукичев	
ВСТРЕЧА С ЗЕМЛЯКАМИ	18
ФРОНТОВАЯ АВТОБИОГРАФИЯ	20
На фронт	20
Первый бой	22
Мазилы	23
Поединок с истребителем МЕ-109	24
На перекрестке у Переяславля. К Днепру	25
На Днепре	28
На Киев и Фастов	34
ЗАЛПЫ «КАТЮШ»	51
И. А. Пахолков	
НА ДНЕПРЕ	54

И. Н. Попов

ДОЛГАЯ СЛУЖБА.....	56
Товарищ Долгунин	56
Ложка	57
Как меня учил генерал	59
Первая ночь на фронте	60
Перед обедом.....	61
На берегах Днепра	62
Телефонисты	64
Накануне совершеннолетия	65
Походная баня	67
Сухари-десантники.....	68
Сувенир.....	70
В ловушке	71
Победная точка	72
Последнее логово предателей.....	74
Как начиналось 9 мая	75
Переполох на плацу	77

В. И. Фоминский

ВАРИАНТ	79
ПРИНИМАЕМ ОІ ОНЬ ПА СЕБЯ (1-Й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ).....	79
КОМБАТ.....	82
ВКЛАД ВЕТЕРАНОВ В ДЕЛО ПЕРЕСТРОЙКИ.....	84

Список использованной литературы

1. Герои Советского Союза (краткий биографический словарь). Воениздат, М., 1987 г., т. 1, стр. 428.
2. Н. Г. Нерсесян. «Киевско-Берлинский». Воениздат, М., 1974 г.
3. Авторская группа. «3-я гвардейская танковая». Воениздат, М., 1982 г.
4. И. И. Якубовский. «Земля в огне». Воениздат, 1975 г.